

ВІЛЬНЕ

ВОЛЬНОЕ

КАЗАЧЕСТВО

КОЗАЦТВО



10 DECEMBRE 1935.

LES COSAQUES LIBRES

IX^e ANNEE

10 ДЕКАБРЯ 1935 г.

188

10 ГРУДНЯ 1935 р.

ПАРИЖ

PARIS

ГОД ИЗДАНИЯ 9-й

РІК ВИДАННЯ 9-ий



Содержание:

1. И. К. Скубани: Национальный гимн Казакии.
2. Атаманский гимн.
3. Восемь лет.
4. А. Бабков: Борец.
5. Сергей Чепурной: 1927 — «В. К. — 1935.
6. Константин Поляков: Ты, мать, не плачь.
7. Донской Баян: Памяти Т. М. Старикова.
8. Поздравление с праздником.
9. И. Билый: Задачи внешней политики Казачества.
10. Свидетельство врага.
11. Трагедия Казачества.
12. Николай Посохов: Путиами предков.
13. Чужинец: Брожение на Дону в 1879 году.
14. А. Петренко: Мысли к 10 декабря 1935 года.
15. Павел Поляков: Казачьи фельетоны.
16. Думы и мысли.
17. Казачья эмиграция.
18. Детская страница.

Почтовый ящик:

Польска. Н. А. Получено. Пишите и присылайте продолжение. Печатать начнем не раньше, чем полным окончание. Привет.

Румыния. И. К. Письмо получено. Открытка не получена. Исправление будет произведено. Привет.

Иль-Мори. Е. Б. Господин К не куб. казак. Подтверждение будет в письме. Привет.

Вини. С. Ч. Получено. Привет.

Колумбия. И. В. Наведем справки. Привет.

Брюссель. Г. Р. Спасибо за пожелания. Привет.

Чехия. М. Г. Получено. Привет.

ПОПРАВКА

В стихотворении И. К. Скубани «Журавли», напечатанном в № 186 нашего журнала следует сделать следующее исправление:

После слов:

А тоска по волюшке
Временем не лечится...
следует читать:
Курени, разбитые
Бурею суровою,
Никнут там, забытые
Богом — Иговою.
Плачут жены, матери
Над судьбой убогою
И живут, как в кратере --
С вечною тревогою...

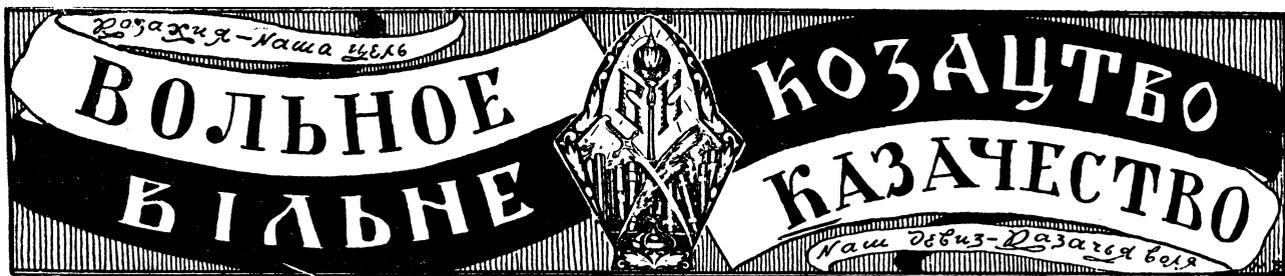
ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ И ЧИТАТЕЛЕЙ

Всех обращающихся с тем или иным вопросом в редакцию «ВК» просим всегда разборчиво писать свой адрес, т. к. были случаи, когда из-за того, что мы не смогли разобрать тот или иной адрес, происходили излишние недоразумения.

ГОНОРАР НЕ ПЛАТИТСЯ.

Непринятые к напечатанию рукописи не возвращаются.

Редакция не входит в переписку по поводу принятых к напечатанию рукописей.



— LES COSAQUES LIBRES —

Иллюстрированный двухнедельный журнал литературный и политический

Revue bi-mensuelle littéraire et politique

Редактор-издатель: инж. И. А. Билый

Редакция и администрация: 10, Rue Victorien Sardou, Paris (16)

№ 188

Вторник 10 декабря 1935. — Восторок 10 грудня 1935.

№ 188

И. К. Скубаки

Национальный гимн Казакии

(Проект)

Славься, Казакия, Богом хранимая
Наша Отчизна безмерно любимая!
Мы за Тебя в нас борьбы стоим ---
Грудью своей от врагов защитим.

Славься, степь-матушка, кровью политая,
Женской слезой, как росую, омытая.
Будь плодородной во веки веков ---
Щедрой кормилицей для казаков.

Славься, Казачество --- храброе воинство,
Свято хранящее честь и достоинство,
Смело погнавшее рабство и гнет,
Воли старинной могучий оплот.

Май, 1935

Атаманский гимн

(Проект)

Будь здоров и долголетен, Верховный Атаман,
Казачьего народа избранник дорогой, ---
Тебе Державным Кругом пернач старинный дан
Владей-же им на славу Казакии родной.

Блуди закон священный, свободу охраняй,
Веди нас по дороге прогресса и труда,
Чтоб, мирно процветая, был вечно вольным Край
И горьких испытаний не ведал никогда.

Хвала Тебе, разумный водитель на войне,
Защитник Государства от полчища врагов ---
Пусть Бог дарит победы Казачьей Стороне, ---
Да не стыдятся деды потомства своего.

Сентябрь, 1935

В о с е м ь л е т

Эти восемь промчавшихся лет,
Проведенные в споре с врагом.
В казаках изумительный след
Начертали незримым пером.
Не сотрет его смена Времен,
Не покроет забвенья трава ---
Как на шелке священных знамен,
В седле вкраплены Воли слова.
Об Отчизне мы песни свои
Пели страстно в сторонке чужой
И во имя великой любви
Звали братьев воспрянуть на бой...
И увидели в эти года,
Что услышан порывистый зов.
Что затративши много труда,
Мы развеяли сон казаков.

И проснулись все удалцы:
О Казачьей Стране говорят
И тиранов златые венцы
Уж наивно, как прежде, не чтят...
Долго ум их «сказаньями» жил,
Что казак --- это беглый мужик,
Но на смену обману и лжи
Вдруг открылся им Истины лик.
Пелена опустилась на земь
С посветлевших казачьих очей
И теперь не заманишь ничем
Их под скипетр московских царей...
Нет, не даром прошли восемь лет,
Не осудит нас вольный народ.
Мы храним наших предков завет
И идем неуклонно вперед...

А. Бабков**БОРЕЦ***(К 8-й годовщине журн. «В. К.»)*

Сегодня — праздник юбилейный:
 К нам в мир земной сошел Борец
 Железной воли и идейный —
 Он угнетенных всех отец!
 Лишь правдою вооруженный,
 Он восемь лет ведет борьбу
 За свой народ поработанный,
 За счастье Края и судьбу.
 И восемь лет в свои отряды
 Зовет всех вольных казаков,
 Зовет скорей свалить преграды
 Российских «братьев»-мужиков.
 Зовет и тех, не павших духом,
 Кто не забыл Родной Страны,
 Кто слышит стоны Ее ухом
 Под властью красной сатаны;
 Кто присягал служить народу
 И честно кровь пролил свою
 На поле брани за Свободу
 И жизни не щадил в бою...
 Кто нес тернистое изгнание
 За шаг предательский вождей
 И всюду слышал в назиданье —
 «Казак — изменник и злодей!..»

И стали все слетаться в кучу
 Под крылья мощного Борца.
 Сейчас мы видим бойцов тучу
 Вокруг духовного Творца.
 Слетелись все на Круг майдана,
 Как было раньше там у нас,
 И здесь избрали Атамана —
 Главу Казакии сейчас!

.....
 Мужайся же, Певец Свободы,
 И Черный Всадник на коне! —
 Вас знают все теперь народы
 И дома там, в Родной Стране,
 Что вы, казачьи патриоты,
 Сквалили силу из дружин
 И лишь хотите рабство гнета
 Свалить с народных плеч и спин.
 Так помоги ж, Великий Боже,
 Скорей дожидаться Светлых Дней —
 Наш Край чужбины нам дороже!..
 Приди ж ты, время, поскорей!
 Приди... И дай нам размахнуться
 Еще хоть раз в родной степи!
 Теперь уж пашки... не погнуты —
 Ведут Казакии нас Вождя!

Сергей Чепурной

1927 - „В. К.“ - 1935

Посвящая родному журналу

Восемь лет Черный Рыцарь стремится
 В Край родимый в московском плену.
 Восемь лет клич — «За Волю сплотиться!»
 Раздается по миру всему.
 Как таинственный маг ночью темной
 Озаряет предлинный он путь —
 Наш казачий путь к жизни свободной,
 По которому смело идут
 Только те, в чьих сердцах еще тлеет
 Огонь дедовский священной любви,
 Только те, кто душою болеет
 За степные просторы свои.
 Эти те — мы, и этим гордимся!
 И с достоинством можем сказать:
 Только мы по казачьи стремимся
 Цепи рабства с отчизны сорвать.
 ...Гей, вы степи, отчизна родная!
 Скоро, скоро цепь вражья спадет!!!
 Прочь с дороги, предатели Края!
 Черный Рыцарь несется вперед.

Константин Псялков

Ты, мать, не плачь...

Ты, мать, не плачь! Твой сын герой,
 Пошел за Родину на бой.
 Идет он на нужду и, может быть, на смерть.
 Чтобы позор других стереть...
 За то, чтоб светлый час для Родины пришел
 И долю лучшую казак в степи нашел.
 Идет на холод он, во сердце у него
 Огня горит сильнее... У сына Твоего
 Жив дух богатырей.
 Ты, мать, не плачь! Как много матерей
 Отдали Родине героев сыновей!..
 И слезы их светлей кристалла были,
 Но Родину свою они любили
 И в грозный час отдали Ей детей.
 Ты, мать, не плачь! Твой сын, ведь, сын
 степей.
 Не за себя, идет он за других,
 За тех, кто там, в неволе, у чужих;
 За бесконечную лазуревую даль...
 Стремится черную развеять он печаль.
 Ты, мать, не плачь! Твой сын потомок тех,
 Тиранам кто бросал презрение и смех;
 Кто стоны не ронял в застенках их глухих...

 Ты, мать, не плачь! Твой сын потомок их.

Донской Баян

Памяти Т. М. Старикова

(К годовщине смерти)

Еще свежи воспоминанья
 О битвах с вражеской Москвой,
 Но чу! — уж слышатся стenanья:
 Ушел от нас Донской герой!
 За что караешь нас, Великий?
 Зачем Ты лучших отобрал?
 Враг перед нами многоликий,
 А Ты... вождя у нас забрал.

Когда сполох столь жданный грянет,
 Он не стряхнет могильный прах
 И перед Армией не встанет,
 Как было прежде — на стенах.
 Что-ж?! Спи! Мы духом не ослабли!
 Но в схватке будущей — грозой —
 Под звон казачьей меткой сабли,
 Ты с нами будешь, наш герой!!

Походный Атаман ВК и редакция журнала „ВК“

поздравляют всех казачьих патриотов с национальным в. казачьим праздником 10 декабря.

10-е декабря не только юбилей журнала «ВК», это и день возрождения казачьего национального идеала, день рождения казачьей национальной программы. В этот день все вольные казаки — вместе! В этот день все вольные казаки всеми мыслями своими — там, на далекой нашей Родине вместе с братьями, страждущими под московско-коммунистическим игом...

В этот день все вольные казаки должны еще раз спросить себя: готовы ли они к грядущим дням борьбы с врагом за освобождение своей Земли, за освобождение Казачества... Готовы ли они к труднейшему делу строительства своей государственности, к созданию единого казачьего государства — Казакии.

Мы не сомневаемся в ответе, как верим и в то, что скоро придется отвечать на все эти вопросы на деле.

Долой оккупантов!

Да здравствует Казакия!

Слава Казачеству!

И. Билый

Задачи внешней политики Казачества

(Доклад, сделанный на открытом собрании Парижской ВК имени А. И. Кулабухова 1 декабря с. г.).

Пятнадцать лет тому назад, в ноябре 1920 года, «белые» русские генералы, проиграв борьбу «красным» русским вахмистрам, высадили остатки бывших с ними казачьих армий в Чатаалдже и на Лемносе...

Начались годы эмиграции... Пятнадцать лет эмиграции.

Многое передумано. Многое переоценено за это время. Многое подвергнуто критике. Много родилось и не меньше погребено разных проектов... Не раз строились планы заграничного устройства казачьей эмиграции и не раз вспыхивала в казачьих сердцах надежда на возвращение на Родину... Планы рушились раньше, чем выполнялись, а надежды не оправдывались...

Родились всевозможные политические и не политические программы и умирали — пока не родилась одна — настоящая национальная Казачья Программа...

Много казаков за эти пятнадцать лет нашли свою Казачью Дорогу... Многие ее еще только ищут. Но, не мало и таких, кто малодушно «оставил всякую надежду»... — Это те, кто ждут готового.

Одни из нас рассчитывают прежде всего на свои силы, другие все свои расчеты строят на силах «внешних»...

Нужно правду сказать, что за пятнадцать лет нашей эмиграции «внешние события» давали мало действительных поводов возлагать на них наши надежды. Послевоенный мир долго, слишком долго залечивал свои раны... И только в последнее время кажется, что во «внешнем мире» могут наступить такие события, которые будут «интересны» и для нас, казаков, если мы сами сможем использовать их надлежащим образом.

Вот в связи со всем тем, что делается сейчас в «большом международном свете», особенно в связи с теми событиями — или только проектами!

— международной жизни, которые так или иначе касаются и большевицкого царства, — в связи со всем этим, у многих казаков в последнее время взоры обращаются в сторону «внешнего мира», возрос в нашей среде интерес к международным событиям, рождаются во многих казачьих головах особые надежды на свою, а иногда и не на свою «внешнюю политику». И что интересно отметить, так это то, что надежды на «внешнюю политику» возлагают не только самостийники или им сочувствующие, но в одинаковой, если не в большей, мере и не самостийники...

В какой же мере, когда и при каких условиях международные события и казачья «внешняя политика» могут оправдать наши ожидания и надежды, несомненно, многими и многими казаками на них возлагаемые?

— Раньше, чем ответить на поставленные сейчас вопросы, вернемся немного назад к нашему казачьему прошлому и посмотрим наши попытки и пробы вести свою внешнюю политику, а также и результаты тех проб и попыток, если они были.

Оглядываясь на это свое прошлое, мы должны признать, что сказать о нем можно весьма немного, ибо, по существу, казачьей внешней политики еще не было. Да и то, что было, делали казаки не так, как делать следовало бы. А были всего лишь неудачные пробы выступлений во вне, не давшие Казачеству ничего или слишком мало реального.

Если можно говорить о внешней политике Казачества в прошлом, то можно говорить только о попытках Дона и Кубани, ибо из всех Казачьих Войск только они пробовали говорить с внешним миром самостоятельно. К сожалению, говорили они каждый за себя, порознь, не стоворившись, — и уже в этом одном был залог их неудачи на этом внешнем «направлении». О других причинах этих неудач и неоправдавшихся тогда казачьих надежд на внешний мир, скажем ниже.

Итак, если можно говорить о казачьей внешней политике в прошлом, то можно говорить только о Доне и Кубани, т. е. только они брали на себя тогда некоторую инициативу, а с другой стороны, и сам внешний мир создавал для них как раз благоприятную обстановку, которая могла иначе повернуть колесо казачьей истории на эти годы, но которой сами казаки не захотели или не сумели использовать.

Казаки в прошлом не вели не только внешней политики, но не делали и того, что, обыкновенно, предшествует и сопутствует внешней политике, — не вели и внешней пропаганды. Вот почему, когда в лихую для Казачества годину, оно пробовало обращать свои взоры к внешнему миру, оно не только не имело опыта и навыка, — словом, не умело использовать для себя службу внешней политики, но оно и не знало хорошо того внешнего мира, на который свои некоторые расчеты строило, а еще меньше сам внешний мир знал нас, казаков, знал наши стремления и желания.

Сейчас перед нами будущее, на которое почти все мы возлагаем свои надежды. Возлагаем их, в том числе, и на «внешние события», а значит, возлагаем и на свою внешнюю политику. И как бы

ни была неудачна и не богата казачья внешняя политика, вспомнить ее теперь именно следует прежде всего для того, чтобы чему нибудь поучиться, чтобы в будущем не делать так и того, как и что делали казаки в прошлом. А в этом прошлом, повторяем, казаки пробовали иногда ставить перед внешним миром свои вопросы, точно также, как и внешний мир подходил иногда к казакам со своими вопросами.

Нельзя сказать, что казаки совсем не были активными, что они не проявляли инициативы в области внешних сношений, что они не пробовали связаться с внешним миром, чтобы так или иначе стовориться с ним или найти там помощь своему делу. Но то, что внешняя политика казаков ничего, по существу, им не дала, в том, все-же, виноваты прежде всего сами казаки. Чем и почему — об этом мы скажем ниже, а сейчас перечислим важнейшие случаи казачьей внешней политики двух Войск: Донского и Кубанского.

1. Первым внешним выступлением Казачества было предложение образовавшегося в сентябре-октябре 1917 года Юго-Восточного Союза Украине стовориться по вопросу о защите против надвигающегося русского большевизма и вообще координировать тогдашнее политическое повеление Казачества и Украины. Такое предложение сделано было в начале декабря 1917 года особым послом Правительства Ю.-В. Союза Генеральному Секретариату и Центральной Раде в Киеве.

Попытка эта не привела к сожалению, ни к каким положительным результатам, с одной стороны потому, что Киев был тогда слишком «левым», а Казачество казалось ему слишком «правым», а с другой — потому, что русский большевизм зимы 1917-1918 годов захлестнул и Украину и Казачьи Земли, разорвав фактически между ними всякую связь. Сам Ю.-В. Союз событиями той же зимы был фактически похоронен.

Это была первая и последняя попытка «внешнего» выступления объединенного Казачества за все время 1917-1920 годов. После этого, в течении 1918-1920 годов Дон и Кубань выступали перед внешним миром каждый самостоятельно и друг от друга независимо.

2. Переходя к внешним выступлениям Дона и Кубани, будем говорить сначала о Доне.

Говоря же о Донской внешней политике, можем говорить только о сношениях Дона с Украиной, с немцами и попыткой говорить в Париже через особую свою делегацию с государствами тогдашней Антанты.

Относится это к 1918 и началу 1919 года, преимущественно ко времени атаманства ген. Краснова.

Немедленно по своем избрании Атаман Краснов вступил в переговоры с Гетманом Украины, ставя себе при этом задачи: признание Дона, урегулирование вопроса о Доно-Украинских границах и получение военного снабжения.

Легче всего решался вопрос о помощи снабжением. Дон получил достаточно военных материалов и боевого снабжения непосредственно от Ук-

раины или с Украины через немцев, частью за плату, частью — бесплатно.

Более спорными оказался вопрос границ, но и он в конце концов был решен к обоюдному удовлетворению признанием старых границ Области Войска Донского.

Труднее и сложнее оказался вопрос признания Дона. Труднее и сложнее потому, что приходилось решать задачу по тому времени вообще необычную. Да и сама постановка вопроса несколько раз менялась.

Дело в том, что Атаман Краснов не был самостоятельным, а только выдавал иногда себя за такового по тактическим соображениям.

Посылая ген. Черячукина в Киев к Гетману и немцам, Атаман Краснов поручил ему базироваться (при хлопотах о помощи и при заключении союза) на «Единую — Неделимую»...

Вскоре, однако, ген. Краснов меняет задачу ген. Черячукина, требуя от него «настаивать на признании полной самостоятельности Дона впредь до создания Великой России и его праве заключать союзы». — Над этой формулой стоит остановиться.

Пержде всего, совершенно непонятно, почему это Донской Атаман добивался от Украинского Гетмана разрешения на право заключать союзы. Но еще более интересна первая часть формулы — признание полной самостоятельности впредь до... Вероятно в истории человечества еще ни один народ не добивался временной самостоятельности. Или не добивался совсем, или добивался полной самостоятельности, постоянной. Поэтому не только формула временной самостоятельности была для других народов или государств «новинкой», но и непонятной новинкой. Никого, конечно, временная самостоятельность интересовать не могла.

2 июня 1918 г. ген. Краснов соглашался... на местную федерацию с Украиной при условии сохранения за Доном полной автономии.

Эти зигзаги Донского Атамана на протяжении неполных двух месяцев можно объяснить только отсутствием искренности и постоянства казачьего начала в душе ген. Краснова и некоторых его помощников.

В конце концов признание состоялось, но для этого генералам Краснову и Черячукину пришлось «покривить душой» и «затушевать» «впредь до», т. е. по просту обмануть на этот раз своего соседа.

Вот что говорит об этом сам ген. Черячукин: «Отказаться от мысли об «единой России» я не мог, а заручиться согласием Украины надо было во что бы то ни стало, как этапом к признанию нас и Германией. Надо было затушевать истинный смысл и тем облегчить решение Гетмана».

«Затушевку» произвели ген. Черячукин и ген. А. П. Богаевский, тогдашний Донской министр иностранных дел. Этим, говорит ген. Черячукин, сломлено было упорство украинских самостоятников и 25 июля ст. ст. состоялось официальное признание Дона Украиной,

что не помешало ген. Краснову 2 ноября 1918 г., при свидании с Гетманом, произнести «краси-

вую речь, полную любви к нашей родине России, полную надежд на ее величие». (Донская Летопись, кн. 3, стр. 210).

При сношениях с немцами Донской Атаман решал три главных тогда задачи: искал помощи военным снабжением, искал посредничества немцев при разрешении пограничных вопросов и добивался признания — один раз Дона, другой раз — Доно-Кавказского Союза.

Вопрос снабжения (которого не доставало тогда и Дону, и Кубани) разрешался сравнительно легко, хотя может быть и не в такой мере, как это было необходимо Казачеству. Эта сдержанность немцев объясняется их недоверием к Добрармии и тем, кто с нею был связан.

Ген. Черячукин считает, что при установлении Доно-Украинских границ немцы сыграли свою посредническую роль в пользу Дона.

Что касается признания, то оно так и не состоялось, так что в данном случае ген. Краснова постигла полная неудача.

Конечно, Германию ни в какой мере не могла интересовать временная самостоятельность Дона. И если ген. Черячукин и ген. Богаевский могли «затушевать» перед Гетманом свои истинные намерения, то такая задача была совершенно невозможна перед опытной дипломатией немецкой. А вопрос о признании Доно-Кавказского Союза ген. Краснов поставил раньше, чем был заключен самый Союз. Такими приемами добиться доверия и признания великой державы, конечно, нельзя было.

Когда в конце 1918 г. и в 1919 году на казачьих территориях появились представители держав тогдашней Антанты, никакого казачьего вопроса для них не существовало и говорить о «внешних» сношениях Дона и Кубани с теми державами просто не приходится. Тем более, что своим «впредь до» казаки только облегчали им поддерживать идею Единой-Неделимой, ибо, по существу, временной самостоятельности постоянные самостоятники не понимают и она их и не интересует.

Дон и Кубань поговаривали, правда, через особые делегации говорить с западно-европейскими государствами в Париже, но и это никакого успеха не имело.

З. О Кубанской внешней политике можно сказать еще меньше, чем о Донской.

Под влиянием Добрармии кубанцы отказались говорить с немцами, ограничившись вопросом о целях продвижения немецких армий на казачьи территории.

Делегация Кубанской Законодательной Рады в Киев в 1918 году имела главной своей задачей политическую информацию и помощь военным снаряжением.

Делегация Кубанского правительства и Рады в 1920 году в Тифлисе имела своей задачей только переговоры о пропуске Кубанских вооруженных сил на Грузинскую территорию. Переговоры эти, как известно, окончились неудачей.

Миссия Кубанского правительства на Украину в 1920 г. хотя и привела к соглашению и подписанию договора о признании независимости Кубани, но практического значения договор этот

иметь уже не мог, как ввиду крушения украинского фронта, так и в силу договора, заключенного тем временем правительством Иваниса с ген. Врангелем.

Этот же договор (4 августа 1920 г.) казацких Атаманов с ген. Врангелем сделал совершенно невозможным осуществление задач той миссии в Польше, хотя поначалу она принята была там хорошо и глава миссии был принят даже Президентом Польской республики.

Особо стоит вопрос о заграничной делегации Кубанской Краевой Рады.

Из-за ноябрьских дней на Кубани значение Делегации значительно поднялось на нашем внутреннем, казачьем фронте. Внешних же задач не удалось ей решить никаких. Да, как теперь мы знаем, такая Делегация и не могла решить никаких задач. Делегация эта была — парламентская, а в Европе с парламентскими делегациями деловых вопросов не решают.

Главное же, сами казаки к тому времени еще не поставили своего вопроса ясно и определенно и действовали каждое Войско отдельно... В Европе же казачьего вопроса совсем не знали и не интересовались им. А друзей у Казачества к тому времени в Европе не было. опереться ему было не на кого.

Во исполнение главной своей задачи, председатель Кубанской делегации Л. Л. Быч подал (16 апреля 1919 г.) на мирную конференцию особый меморандум, но вряд ли кто из больших политических деятелей Европы читал его тогда.

Меморандум этот кончался обращением — просьбой к державам Согласия: «1. О признании Кубанского Края... самостоятельным государственным образованием, безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти. На случай, если бы, сверх всякого ожидания, возникли переговоры с Советской властью о границах ее владений, Кубанский Край этим признанием был бы огражден от предъявления прав на него со стороны Советской республики. 2. Вместе с тем мы, делегаты Кубанской Рады, просим прежде всего и главное всего об оказании моральной поддержки нашему правительству и демократическим установлениям нашего Края, начинающего свою жизнь на широких началах народоправства, моральной поддержки в борьбе с большевизмом как слева, так и справа (черносотенство), ибо последний также начинает поднимать голову, имея своей целью подавить демократию. 3. Так как продолжение вооруженной борьбы против большевиков является неизбежным злом и наш Край ведет войну исключительно оборонительную против большевицкого нападения, угрожающего не только благосостоянию, но и самому существованию населения, то мы просим об отпуске в распоряжение Кубанского правительства необходимых средств защиты и всякой аммуниции для вооружения и снабжения Кубанской казачьей армии, а равно санитарного имущества и медикаментов как для населения, так и для армии».

Как видим, меморандум говорил о самостоятельности «на случай»... Казаки говорили как будто о самостоятельности вынужденной. — лишь бы не

остаться в пределах Советской России. — Конечно, мы знаем, что меморандум этот носил на себе все следы компромисса между самостоятельной и не-самостоятельной частью Кубанской Делегации, что, когда писался он, нужно было удовлетворить прежде всего самих делегатов, что сами делегаты, весьма к тому же неопытные в делах международных, мало или совсем не думали о том, как в действительности встретят меморандум иностранцы (были и такие, которые вообще не желали никакого успеха Делегации).

Насколько формулировка первого, нашего пункта не могла удовлетворить настоящего самостоятельного, видно хотя бы потому, что пункт этот мог отвести тогда любой иностранец весьма легким возражением: «Вам нечего беспокоиться, т. к. скоро Советской власти не будет, а, следовательно, упадет и мотив, по которому вы стремитесь к самостоятельности».

Отдавая должное меморандуму и демократизму и народоправству. — Теперь мы тоже уже знаем, что те или иные режимы одних народов в действительности весьма мало занимают народы другие.

Конечно, мы не можем быть сейчас судьями слишком строгими, т. к. знаем, что такие документы, как меморандум Кубанской Делегации, отражали действительное положение вещей прежде всего на нашем внутреннем казачьем фронте того времени. Казачество сделало по этапам переход от не самостоятельности через самостоятельность «вперед до»... к программе самостоятельности безоговорочной.

Возвращаясь к делегации Донской в Париж, можем добавить, что результаты деятельности ее за границей были не большие, чем результаты деятельности делегации Кубанской. И донцы ограничились единственным меморандумом, которого тоже из чужих никто не читал, и который Казачеству ничего не дал.

Что касается содержания его (написан месяц позже Кубанского), то он носит явные следы влияния меморандума Кубанского, а заключительные три пункта его вполне аналогичны соответствующим пунктам меморандума Кубанского, уже выше цитированным.

Как и Кубанская, и Донская делегация обращалась с просьбой к державам Согласия: «1. Оказать Дону в лице его Парламента и Правительства моральную и материальную поддержку в борьбе Дона с большевиками и отлучить в распоряжение Донского правительства необходимые для борьбы материалы — оружие, аммуницию и медикаменты. 2. Признать Донское Правительство на территории Дона носителем высшей законной власти и всякую необходимую донской армии и населению помощь отправлять в распоряжение этого Правительства. 3. Признать Донскую Республику... самостоятельным государственным образованием, безусловно не входящим в сферу влияния Советской власти. Этим признанием Дон был бы огражден от притязаний на него Советской власти, в случае если бы таковая была признана кем либо законной властью России».

Как остался без ответа кубанский меморан-

дум, так остался без ответа и меморандум донской.

Да и вряд ли могло быть иначе при такой условной формулировке своей самостоятельности и при тех сюрпризах, какие делали казачьим делегациям их же пославшие. Припомним только, что осуществление задачи Донской делегации в Германию (в 1918 году) сделало невозможным само же донское министерство иностранных дел безактным опубликованием письма Донского Атамана. Кубанская делегация была лишена своих полномочий во время ноябрьских дней 1919 года, а Донская делегация фактически тоже была ликвидирована вместе с переменою Донского Атамана.

При таких обстоятельствах даже в лучших и более благоприятных для Казачества условиях и обстановке любое государство, не будучи уверенным в неизменности поведения казачьих властей или их уполномоченных, проявило бы величайшую сдержанность и осторожность.

Оба меморандума имеют ряд дефектов в своем тексте, которые особенно не могли бы удовлетворить теперь казачьих националистов. Но мы не можем останавливаться на них сейчас, с одной стороны, из-за недостатка времени, а с другой — потому, что практического значения это теперь не имело бы никакого. Обратим свое внимание, как пример, только на следующее обстоятельство. В начале одного из меморандумов подчеркивается большая роль Казачества в прошлой истории России. Независимо от того, в какой мере это отвечает действительности, «аргумент» этот в данном случае — в сознании иностранцев — обращается против казаков, т. е. любой из них может ответить на это таким образом: если Казачество действительно играло, и не раз, такую большую роль в судьбах России, то, вместо того, чтобы просить помощи в других, пусть оно теперь один раз сыграет такую же большую роль в своей собственной судьбе. (Или: к сожалению, мы не можем заставить Россию отплатить сейчас добром казакам за все то, что сделали они для нее в прошлом. А если казаки могли влиять в прошлом на судьбы России, пусть они повлияют на нее один раз и в свою пользу...).

4. Как мы уже видели выше, и Дон, и Кубань вели свое государственное строительство и делали свои выступления перед внешним миром самостоятельно и друг от друга независимо. Это, конечно, ослабляло значение таких выступлений и впечатлений, мир считался с казаками далеко в меньшей степени, чем это могло быть, если бы Казачество сначала объединилось в одну республику и заговорило с ним одним языком. К сожалению, казаки предпочли остаться разединенными и ослабленными.

Больше того, случалось, что, отдельные Войска или их представители, веля каждый свою собственную политику, иногда даже подвоили друг друга. Так, напр., ген. Черячукин вспоминает, что Кубанская делегация в Киеве, ставя вопрос о союзе с Украиной, ставила одновременно и вопрос о связи Украины и Кубани в ущерб интересам Дона. Возможно, что это были всего лишь проекты

отдельных лиц, особенно что касается осуществления этого союза в ущерб интересам Дона (ген. Черячукин называет имя Н. С. Рябовола, но перевернуть этого теперь нельзя, т. е. среди кубанцев такие вопросы и так открыто не ставились никогда). Но, конечно, усилить позиций казачьих такие несогласия не могли.

Судьба Казачества была бы сейчас иной, если бы став твердо на путь самостоятельности и объединившись в одну республику, оно умело использовало бы те возможности, какие открывались ему весной и летом 1918 года. Возможно, что и Союзники тогда иначе бы разговаривали с казаками, чем разговаривали они в конце 1918 и в 1919 году. Возможно, что и в Париже голос объединенного Казачества звучал бы сильнее, чем звучал он из уст отдельных делегаций...

5. Коснемся еще одного весьма существенного и важного вопроса прошлой казачьей политики — это попыток казаков говорить со своими врагами, равно как и некоторых предложений с их стороны казакам.

В 1918 году казачьи правительства не прочь были попробовать вступить в переговоры с русской советской властью.

Первую попытку в этом отношении, по сколько нам известно, сделал председатель Кубанского Пр-ва Л. Л. Быч, который через специально посланного в Москву офицера К. вондировал там почву о возможности мирного исхода уже начавшейся войны, при условии отозвания с Кубани всех большевицких вооруженных сил и признании ее права на самоопределение. — Попытка эта успеха не имела.

Аналогичную попытку сделал и председатель Донского Пр-ва ген. А. П. Богаевский (потом Атаман) в мае 1918 г., командировав в Москву есаула А. Паладжина с вопросом, согласно ли Советское пр-во вести переговоры с Донским Атаманом Красновым и, если согласно, то каким путем и на каких основаниях. По словам самого Паладжина, сов. пр-во ответило согласием, но ес. Паладжин не мог принять предложенных ему условий переговоров и фактически они начаты не были.

Вопрос о мире с большевиками ставился и в Донском В. Круге. Не против этого был и ген. Краснов. На вопрос, предложенный ему в Круге: «возможно-ли добиться путем переговоров прекращения войны?» Атаман Краснов (17 сентября 1918 г.) ответил: «Дипломатические переговоры ведутся через дружественную нам Украину и пан гетман обещал оказать всякое содействие к признанию самостоятельности Войска Донского, как уже признаны Украина и Грузия... Точно также обещано содействие в смысле воздействия на советскую власть со стороны германского командования. Остается немного потерпеть». (Донская Летопись, кн. 3, стр. 363).

Не знаем, поскольку искренни были такие заявления ген. Краснова, но практически из обещанного им содействия Украинцы и немцев ничего не вышло. Да и не могло выйти при тогдашней политике казачьих Атаманов, стремившихся «спасти» всю Россию. Могло, может быть, выйти при

некоторых условиях, если бы казаки стали на путь самостоятельности и отказались бы от всякого вмешательства в русские дела. Но, к сожалению, казачьи Атаманы тогда на этот путь не стали. Наоборот, за два дня до цитированного выше вопроса в Круге и ответа на него ген. Краснова Донской Атаман и Круг 15 сентября 1918 г. обратились со специальным «посланием» к правительству народных комиссаров, в котором авторы его позволили себе говорить за русский народ и давали такую характеристику этим самым комиссарам, что (независимо от того, правдива она или нет) рассчитывать на то, что комиссары эти пойдут на мир с казаками после этого совсем не приходилось. Такие «обращения» наверняка сорвали бы всякие дипломатические переговоры. Если Атаман Краснов действительно вел переговоры, о которых он говорил Кругу, то принимать таких обращений нельзя было, а если принято было такое обращение, то не следовало ублаживать членов Круга возможностью мирных переговоров.

В середине января 1919 г. Парижская мирная конференция предложила всем борющимся на территории бывшей России силам прекратить борьбу и послать своих представителей к 15 февраля на Принцевы острова в Мраморном море для заключения мира... «Союзники, гласило это предложение, приглашают к 15 февраля сего года все организованные политические группы, находящиеся у власти или стремящиеся к ней в Европейской России и в Сибири, не более трех представителей от каждой группы, на Принцевы острова в Мраморном море, для предварительных переговоров, где будут присутствовать и представители союзников... Союзники считают, однако, необходимым до переговоров — заключение перемирия между приглашенными группами и прекращение всяких наступательных действий»...

Генерал Деникин и адмирал Колчак отвергли это предложение, к казачьим правительствам оно, кажется, так и не дошло (возможно, что Атаманы и знали о нем) и приняли его только большевики. Больше того, есть основания утверждать, что и само предложение, формально исходившее от союзников, было подсказано им из Москвы.

«Белых» русских, боровшихся тогда с «красными» русскими казачьими руками, предложение это тогда возмутило в весьма сильной степени. Даже и теперь еще среди русских эмигрантов можно встретить по поводу предполагавшейся на Принципо конференции такие заявления: «Откупаться от гибели — кусками земли — для большевиков — своего рода историческая традиция: ведь был же момент в 1919 г., когда они предложили разделить Россию между ними и Белыми армиями по принципу занятых областей»... (Владимир Кадашев, «Новое Слово» № 33, 18 августа 1935, Берлин).

Мы понимаем, почему отверг это предложение ген. Деникин (что бы он потом делал?), но, если бы тогда казачьи правительства, створившись и объединившись, и заключив перемирие, договорились бы о мире да еще в присутствии представителей великих держав, перед которыми большевики тогда заискивали, доля Казачества сейчас бы-

ла бы иной, даже в том наихудшем случае, если большевики шли на мир не искренно, т. к. казаки получили бы так необходимую передышку, успели бы залечить свои раны, успели бы организовать государство, а казачьи территории не были бы разорены последующей оккупацией. А при таких условиях еще неизвестно, решились ли бы большевики потом на нападение. Не решились же они еще и до сих пор на нападение на Финляндию, Эстонию, Латвию!..

В начале 1919 года казаки второй раз упустили представлявшийся им благоприятный случай и не использовали в своих интересах открывавшихся возможностей.

Конечно, не упустить такого случая могли только самостоятельные безоговорочные сторонники же единой-неделимой не могли принять предложений, противоречивших их убеждениям.

6. Какие же выводы и заключения можно сделать, после обзора казачьей внешней политики за прошлые 1917-1920 годы? — По совести говоря, при самой снисходительной оценке этой политики, выводы и заключения можно сделать более чем скромные. Единственным реальным результатом внешней политики Дона и Кубани (если вообще можно говорить, что это была внешняя политика) было получение некоторого количества верного снабжения от Украины и немцев и установление границы между Доном и Украиной.

Такие незначительные результаты казачьей политики можно объяснить прежде всего тем, что Казачество, как мы уже и говорили, с самого начала своего государственного строительства не объединилось и не стало сразу и безоговорочно на путь самостоятельности. Дальнейшими причинами казачьих неудач на внешнем поле было и то, что внешний мир, тот мир, от которого тогда многое зависело в свете, казачьего вопроса не знал, а с другой стороны, и сами казаки не знали того света, с которым хотели разговаривать. Кроме того, молодые казачьи республики не только не имели тогда опытных политических деятелей, но даже и своим неопытным заграничным представителям часто сами же мешали, дискредитируя и их самих и их задачи, что не могло не отпугивать от казачьего дела и иностранцев.

Не могли способствовать казачьим успехам иногда и сами казачьи дипломаты того времени, вынуждавшиеся обстановкой вести внешнюю политику формально якобы от самостоятельных республик, но считавшие эту самостоятельность временной и бывшие сами старыми служителями Единой-Неделимой (Черячукин, Филимонов, Долгополов, Скобцов и др.), а не самостоятельных Дона или Кубани. — Нельзя было вести с успехом внешнюю политику от имени временно самостоятельных казачьих республик. Нельзя было и посылать защищать интересы казачьих республик не самостоятельных или не искренних самостоятельных.

Нельзя было вести какую бы то ни было казачью внешнюю политику без предварительной и одновременной пропаганды во внешнем свете казачьих стремлений и казачьей программы. Надо было и самим казакам хорошо изучить тот мир.

к которому обращались. Надо было знать хорошо, чего хотели мы от того мира сами и надо всегда предвидеть, чего будет хотеть мир от нас... — Все-го этого тогда не было...

При каких же условиях и в какой обстановке Казачество может вести внешнюю политику и возлагать на нее некоторые свои надежды?

Раньше, чем думать о внешней политике, раньше, чем строить на нее те или иные свои расчеты, надо решить Казачеству один основной вопрос — вопрос о самостоятельности, но решить ясно и определенно без всяких оговорок. Если Казачество станет на путь самостоятельности — можно говорить о внешней политике, можно связывать с ней и свои надежды. Если Казачество отвергнет самостоятельность, упадут и все расчеты на внешнюю политику. С несамостоятельными или самостоятельными «вперед до» никто разговаривать не будет.

Только тогда, когда Казачество определит свою политическую программу, только тогда для внешней казачьей политики будут ясны ее задачи, а прежде всего основная и постоянная задача — защита и обеспечение самостоятельности казачьего государства.

Нельзя рассчитывать на внешний мир, ставя задачи только сегодняшнего дня. Внешний мир будет хотеть знать, что будет завтра. Да и мы сами должны хотеть знать, что будет завтра за сегодняшнюю борьбу и страдания.

Точно также, раньше всякой внешней политики надо раз навсегда выбрать нам одну постоянную и неизменную ориентацию — на Казачество, т. е. на самих себя и на казачье государство. — Все остальные ориентации должны служить только ей — задаче основной.

Вторым вопросом надо решить, будут ли казаки строить несколько казачьих республик или они объединятся и будут строить одну Великую Казачью Республику, одно объединенное казачье государство — Казакию.

Мы видели уже, что в прошлом два сильнейших Ройска не имели никакого успеха во внешнем мире. А сейчас мы можем сказать, что они не имели бы его и в будущем, если бы снова пробовали говорить во вне казачье отделив и только за себя. Внешний мир с Казачеством раздельным говорить не будет. Только объединенное Казачество может рассчитывать на то, что внешний мир будет считаться с его интересами. Только объединенное Казачество может рассчитывать на помощь в борьбе со своими поработителями.

Итак, прежде всего — казачья самостоятельная программа, ясная конечная цель — первое условие для внешней политики. Второе условие — объединение Казачьих Войск в одно Казачье Государство — Казакию. Это даст казакам силу. Только сильные могут вести с успехом внешнюю политику.

Третьим необходимым условием для успешности внешней казачьей политики будет борьба Казачества за свою национальную программу. Народ, который сам не борется за свое освобождение, за свою государственную самостоятельность. — такой

народ не может рассчитывать на других ни в какой мере.

Повторяем: национальная программа.

объединение и

борьба за свою самостоятельность

— вот предпосылки и необходимые условия для успешности казачьей внешней политики.

Из всего сказанного следует, что внешнюю казачью политику сейчас могут вести только самостоятели, только казаки националисты. Представителем же национальных, самостоятельных казачьих сил является только Вольно-Казачье движение. Следовательно, только оно одно может взять на себя, кроме иных, и задачи внешней казачьей политики.

Каковы же задачи казачьей внешней политики в настоящее время?

Задачи эти можно формулировать весьма коротко:

хорошо подготовить во вне будущую борьбу Казачества за свое освобождение и помочь выиграть ее.

Это значит, что если для осуществления наших задач мы располагаем, положим, половиной нужных нам сил, то вторую половину должна найти внешняя политика.

Ту же задачу можно формулировать и иначе: наша внешняя политика должна способствовать Казачеству достичь своих конечных целей в кратчайший срок с наименьшими затратами крови.

Задачи внешней политики народа, борющегося за свое освобождение и государственную самостоятельность, разнятся, конечно, от задач внешней политики государств, уже существующих.

Ближайшей задачей казачьей внешней политики текущего момента является — сделать казачий вопрос самостоятельным вопросом международной политики, не зависящим ни от какого иного вопроса, и создать ему во внешнем мире благоприятную обстановку, сделать наше решение нашего вопроса приемлемым для внешнего мира.

Задача эта далеко не легкая, осуществимая может быть только по этапам. Помочь ее осуществлению может только хорошо организованная внешняя пропаганда.

Исходные точки для казачьей внешней политики весьма ясные и простые — враг у нас сейчас один.

Чтобы казачья внешняя политика наиболее успешно выполнила стоящие сейчас перед ней задачи, надо правильно оценить современную международную обстановку, надо правильно и точно определить внешнюю политику нашего врага и его место в системе международных сил, надо найти удачно и свое место в системе тех сил, надо найти попутчиков, друзей и союзников... Т. к. наших собственных сил для единоборства с нашим врагом недостаточно, надо создать союзный фронт народов, борющихся за свое освобождение из под власти СССР или РСФСР.

Чтобы наша внешняя политика была успеш-

вой, кроме талантов и способностей лиц, ее ведущих, нужно, чтобы было соблюдено еще одно весьма важное, — а может быть и самое важное условие следующее:

Любой министр иностранных дел может вести хорошую внешнюю политику, если за его плечами стоит хорошая реальная сила. Политика такого министра тем успешнее, чем сильнее подпирательная его реальная сила.

Это общее правило приложимо и к нам. И ВК движенье сможет тем успешнее решать казачьи задачи на внешнем фронте, чем сильнее будет оно

само, чем большее количество казаков станет на путь самостоятельности и национализма.

Идеальным же положением для Казачества и его будущего, обеспечивающим максимальные успехи во внешней политике, было бы, если бы все оно, Казачество, сплотилось бы около одной цели — Казакии, около одной программы — Вольноказачьей и, объединенное единым возглавлением, делало бы и единую политику — свою национальную казачью политику внутреннюю и внешнюю.

В этом — секрет и залог успеха всего Казачьего Дела, судьба всего Казачьего Будущего.

Свидетельство врага

В настоящем году вышла книга советского писателя (побывавшего на Кубани) Владимира Ставского: «Кубанские записки».

Это — вторая книга, посвященная автором кубанской станице. Первая, под названием «Станица», написана была в 1928 году и посвящена хлебозаготовкам, борьбе за хлеб — «борьбе за социализм».

Во второй книге Ставский (русский коммунист) рассказывает про кубанскую станицу лета и осени 1929 года.

Книга состоит из двух самостоятельных частей: 1. Разбег и 2. На гребне.

Первая часть посвящена станице Вальяновской, в которой легко узнать Васюринскую. Да и тов. М. Ильин, в «Молоте» от 7 ноября подтверждает это (см. рассказ-корреспонденция «Станица»).

Вторая часть — «На гребне» — говорит вообще о станице. Действия происходят на Кирпильях, на высоком (правом) берегу Кубани, на Казачьем ерике...

Новая книга Ставского — действительно записки, как бы хроника событий.

Одним из главных действующих лиц первой части книги — «Разбега» — является бывший станичный атаман Николенко (в рассказе именуется: Леонтий Федорович Шваленко), что подтверждает и цитированный уже выше Итын в «Молоте».

Мы считаем не безинтересным познакомить своих читателей с трудом Ставского поближе путем целого ряда выдержек, характеризующих положение там так, правда, как его понимает большевицкий автор.

Читая эти выдержки, читатель должен не забывать, что автор их — чужой, правозерный коммунист и не друг Казачества.

Раньше, чем перейти к цитатам, следует сделать несколько общих замечаний.

Автор, как русский, козачьего и украинского языка, очевидно, не знает. Поэтому разговорный язык книги часто невозможен (возможно, что многое испорчено и небрежной корректурой — книга издана в Москве и набиралась и корректировалась русскими). Попадают выражения вообще бессмысленные.

Интересно перечислить хоть часть фамилий советско-коммунистических «деятели» в станице. Вот они: Лошляков (районный землестроитель), Портянкина (батрачка), Пичков (председатель стан. совета), Петров (прет. с. с.-х. тов.-ва), Монькин (претседатель правления ЕПО), Мелвелев, вдова Волчкова (сторожиха школы), Околотин, Артюшкин и др. — Все это для Чернооческой станицы имена чужие, пришлые...

Общее отношение оккупационной власти к казакам можно охарактеризовать краткой репликой претседателя стансовета тов. Пичкова: «Побасстрелять надо бы их потовину, этих Чесныков!» — (на собрании ком'ячейки. Чеснык — претседатель противников советов в рассказе Ставского).

Итак, перейдем к выдержкам.

...Базар шумит. Там, где стоят несколько убогих, чухлых груш с посережей от пыли листвою, по краям базара на кирпичных троттуарах, отдельно от баб, куч-

куются станичники. Тут идет самое пылкое обсуждение всех станичных дел. Тут говорится такое, чего ни на одном станичном собрании не услышишь.

Кипят на базаре страсти...

Сегодня праздник. На базаре совсем не пройти. Сверкают белые платочки женщин, шорохотят свежетылаженные юбки.

Будто степовые подсолнухи по ветру, ходят над толпой кубанки с верхками разных цветов. — Кубанки тоже разные: и легкомысленные, задорные, с пистонами, как на ботинках — по последней моде, чтобы голову продувало; и старые из сивой смушки, а то и из золотистого бухарского каракуля и вытертым позументом крест-накрест поверху.

Увидев проходящую мимо базара хлебозаготовительную комиссию во главе с Петровым, председателем с. х. товарищества, Чеснык умолкает, поигрывая концом пояса с серебряным набором.

Отворачивается от комиссии и Леонтий Федорович Шкаденко, бывший станичный атаман, стоящий в кучке со стариками на троттуаре. Темное лицо его чугунеет. Крупная родинка, сидящая на переносице меж глаз, наливаясь густой кровью:

— Шалаются, проклятые! Постечнее забирают!...

Словно вторя, в другом конце базара вслед хлебозаготовителям рычит Чеснык:

— Пшла скажена сила... Ой, горе нам усім! Руйнують станицу!...

...Из переуллка доносится истошный бабий визг. Петров бежит туда.

Елена Желиховская, вдова расстрелянного в двадцать первом году белого из банды генерала Пржевальского, выскочив на середину улицы, ломает, запрокинув, голые свои руки. Вздохмоченные космы бьют ее по плечам. Боттаются разорванные ругава.

— Габитеті! Граблять... Рятуйте, православні! вопит Желиховская.

Кринский легкими прыжками настигает ее и толкает назад, во двор. Петров, подбежав, помогает ему. На улице сбегаются бабы, торопиво подходят хлеборобы. Стайка ребятишек с перепуганными круглыми глазами вылетает около ворот.

Желиховская плюет на руки Петрова, пытается вырваться, кричит:

— Убива-ають!

— Замолчи, сука, сейчас шлепну! (вбью, застрелю) — вздрагивая от ярости, говорит ей на ухо Петров.

Та сразу стихает. Два огромных пса захлебываются в брехе.

Двор Желиховской — огромный, окруженный богатыми постройками. Два просторных амбара красуются под цинковой крышей. В глубине двора высится особый сарай для молотитки. И без мужа Елена Желиховская хозяйствует крепко.

В хате на полу осколки битой посуды, на столе — остатки еды. Помощники Кринского — и моложавый

Медведев, ночной сторож ЕПО, и комсомолец Ягло Петр — стоят у дверей с дрючками в руках. В углу за столом сидит старый Шерстюк, Иван Кириллович, церковный регент. «С ними что тут разговаривать?»

Петров оборачивается:

— Ягло, позви милиционер!... В чем у вас тут дело? — спрашивает он Елену Желиховскую, набросившую на раскрытые плечи платок.

— Нема хліба, послідне хочете забрать! — кричит она.

Петров злобно скидывает голову. Второй год идет в этой хлебозаготовительной маяте (? Ред.), в эдаких воплях. Кричит чортова баба, а хлеб ведь есть — по голосу слышать. В прошлом году так же вот голосила, а потом восемьсот пудов — без малого вагон! — вывезла из амбаров.

— На сколько тебе извещенье выписали?

— Та хіба ж я знаю? — Желиховская тащит из-за икон, заставивших угол, как иконостас в церкви, пучок квитанций, сует Петрову.

— Как же ты не знаешь? Написано вот — полтораста пудов.

— Нема у мене хліба! — кричит Желиховская и утирает крупные слезы платком.

Сергей Кринский нетерпеливо стучит ногой о пол, думает: «Чего он вольнит? Знает же, сколько ей выписали. Стукнуть бы ее хорошенько, стерву».

Петров, не слушая визгливых причитаний Желиховской, осматривает хату. Вдруг замечает, что в трехаршинном прогале между печкой и наружной стеной боковая стена сыровата, темнее, чем другие. Отойдя к двери, он видит, что расстояние между окнами на улицу и обеними боковыми стенами неодинаково.

— Так, так! — говорит он громко и идет к стене.

Вдова с ужасом и ненавистью смотрит на него.

— Ну, Медведев, попробуй-ка!

Они вдвоем начинают стучать в сыроватую стену.

— Тут! — яростно кричит Медведев и, хекая, пробивает дыру железной тростью.

Вдова, кутаясь в платок, жмется в угол.

Кринский и Медведев выламывают кирпичи. Сыплются побелка и глина. В проломе сереет бок тугого чувала с зерном. Шерстюк судорожно крестится.

«Вот сволочь! — молча негодует Сергей Кринский: — Собака на сене: ни себе, ни людям. Вот кого шлепать!»

Петров подходит к стене и, как от толчка, оборачивается и сразу со всей силой бьет палкой по занесенной руке Желиховской. Широкий нож, покрытый прихосшими хлебными крошками, тяжело падает. Желиховская, внезапно ослабев, опускается на пол. Верхняя губа в темном пушку мелко дрожит...

...Отводит бранью душеньку около базара Булаш Дмитрий («Грасный» газак, Ред.), что вывез сто пудов зерна и вызвал всех хлеборобов станицы. Ему надо молотить, а мельница ЕПО еще не работает: Петров прилеживает помол по указанию района, чтобы этим помочь хлебозаготовкам. На мельнице Булашу говорят, что надо какие-то справки да квитанции с собой захватить. Это берет Булаша.

Василь Антоныч (казак, противник советов, Ред.), укоризненно качая головой, держит Булаша за пояс и говорит, говорит:

— Ну, где твоя власть? Ты ее завоевал? Где вы у чорта с ней взяли? Как было раньше хорошо жить! Поелешь, когда хочешь, на мельницу. Не встречал распорядов дурацких: на елоча да еще и по ставке, а пока нема, то хоч с голоду слыхай. Вот устроили жизнь. Як у чорта, и круглый гол тянут: лавай хлебозаготовки, лавай начог, лавай самообложение. Достукались все через вас. Колы вже вы поуразумеете?

...И думается все же Василь Антонычу:

«Будет конец и большевикам. Все свое вернем»...

...Кринский... на ссыпку пойдет справиться, сколько поступило хлеба с его участка, вернее ска-

зать, он выдумал этот предлог, чтобы уйти из штаба. Вызванный им Шкаруба Яков, мигая кровавыми в прожилках глазами, долго слушал уговоры Кринского и, разом перегнувшись через стол, выпалил в лицо:

— Что, продался, сукин сын? Продался? Своих зараз топишь? Скільки грошей получаешь?

Кринский отшатывается, а старик уже идет к выходу мерным и бравым шагом, и нет у Сергея сил воротить, догнать врага.

«Продался»... Кринский не первый раз уже слышит это — укоры, проклятия и угрозы. Леонтий Федорович Шкаденко еще в прошлогодние хлебозаготовки, остановив его на улице, прохрипел в лицо:

— Не буде, кажу тобі, милости, продажна твоя душа. А ще був козак як козак...

Глядя, как мимо окна, шуря больные глаза, проходит в своей высокой барашковой папахе Шкаруба, в ярости всакивает Сергей. Тяжкий ком давит сердце. И невзгод и ошибок много у Сергея Кринского — казачьего вахмистра и в старой армии и у белых. Сейчас старая станица проклинает, а коммунисты хоть и дают ход, да с оглядочкой. Петров, например, оставляет за себя, а каждый вечер дай ему отчет...

Сергей Кринский подметает двор. Жинка выглядывает издали, — так и хочется ей сорвать свои обиды, ругать непутевого, отбившегося от дома мужа.

— Активистом стал! Вся станица смеется.

На глаза ее, помутневшие раньше времени, набегают слезы. Шмыгая носом, она уходит в хату. Каждый почти день приходят к ней бабы со станицы, бранятся, корят за мужа. Жена Шкаденко, Леонтия Федоровича, добра желая, говорит вчера:

— Ну, що твоему чоловіку там надо? Ну, городовикам проклятым, большевикам, бисовым душам, туда дорога. А вы ж казаки. Ну, придуть наши, тоді що будете робить?

Страшно становится Кринчиче, а мужа все нет дома, а она с ребятишками одна.

— Ой, лищечко мені... — шепчет она, а губы скачут, скачут, и она прижимает их кончиком платка.

Тяжко Сергею Кринскому. Ерзает по макушке сильная кубанка; покусанные, мокрые свисают усы.

С улицы с плачем вбегает во двор младший Мишка.

— Тату, мене хлопці бють. Кажуть: «Геть, бівова душа, от козаків, геть до городовиків!»

...Восемнадцатый год. Только что приходит с турецкого фронта Сергей Кринский в станицу. И на первом же собрании, — а собрания идут каждый день, а за Кубанью идут бои с отступающими большевиками, — на первом собрании слушает Кринский, вахмистр пластунского батальона, как атаман Шкаденко зачитывает письмо командира 3-го Егаториноларского полка атаману станицы. Письмо старое, полученное полгода тому назад и читано не раз. Но Шкаденко читает его при каждом подходящем случае, прижимая руки к газырям.

Склатно написано полковником Миргородским письмо: «Большевики насаждают на наш край. Они сеют вражду, разоряют наши хаты, насилуют жен и угрозой штыгов заставляют казаков идти в бой против своих братьев и нашей Роды, выбранной всеобщим голосованием. Я, полковник Миргородский, формирую отряд для борьбы с большевиками. Всех своих боевых товарищей приглашаю идти со мной. Наша цель — борьба за освобождение родной Кубани. Жетяющие должны являться в станицу Пашковскую (кто конный, кто пеший), и я поведу к победам и к торжеству народовластия. — Кто за Кубань, тот со мной».

Читает атаман Шкаденко письмо и утирает притворные слезы. А в толпе — и не притворные слышатся всхлипывания. Непонятно Сергею Кринскому, да станицная рала уже решает, что делать.

И не счет еще понаскучить около жены Кринский, назначенный после того, как узнал, что он — вахмистр, старшим обозным, выступает с полком на фронт, под Шарыпки, а где-то за Тихорецкой повисли его в начальники команды связи. И вместе с другими во

весь голос распевает вахмистр Кринский песни, а чаще всего — новую, узаконенную Кубанской Радой национальным гимном:

Ты, Кубань, — ты наша родина...

И искренно думает Кринский, что все беды — от большевиков, а большевики все пришлые, а пришлые на Кубань — иногородние.

— Кубань тільки для козаків. Геть відділя, городовики, к бісовому батькові!..

Вот и Кубанская Рада говорит: иногородним земли — ни-ни.

Гролом прошел по казачьим частям приказ — убит член кубанского правительства Никола Рябовол донским казачьим офицером из-за какой-то барышни.

Поехавший в отпуск Сергей Кринский слышит от писаря Ловченко Ивана, что убит Рябовол не из-за барышни, а белогвардейцами за то, что не давал в обиду кубанское казачество. И уже поют на Кубани жалостливую песню про Рябовола, про его смерть:

Плачь Кубань, край наш рідний!..

Лежить Микола, син твій вірний!..

И уже громит ген. Покровский Кубанскую Раду.

Кринский, вернувшись в команду и услышав о казни члена Рады Кулабухова, потихоньку распускает команду.

— Ткайте, хлопці, до-дому. Коли вони Кулабухова повісили, вони і нас убили. Что нам делает Добровольческая армия? Она только колокола создала, единую неделимую Россию хочет, а де-ж наша автономия?.. — открыто говорит Кринский сослуживцам.

Его тут же предупреждают о доносе в белогвардейскую контрразведку. В этот же вечер укладывает он вещи в сумы и, продав коня около станицы Тихорецкой за миллион рублей донскими, едет в Уманскую к другу. Тот, затворив дверь, чтобы не слышала жена, спрашивает:

— В чем дело?

— Давай водки зараз.

Кринский выпивает целую бутылку залпом и только после рассказывает и про Раду, и про гибель Кубанского казачества.

Пробравшись через неделю в Краснодар, он тут дожидается прихода красных...

...На улице отставший от товарищей Сергей Кринский спотыкается и, виновато-смущенно оглянувшись, упирается во взгляд атамана — пронзительный и светлый, с холодным отстоем невыразимой ненависти и тоски взгляд.

— Продавсь! — шепчет Шкаденко, будто Кринский может его услышать. — Був козак, а продавсь, бісова душа!

Шкаденко круто оборачивается... Тоска и ярость цепко и властно хватают его за сердце.

— Боже ж мій! — громко вырывается у него. Словно испугавшись себя, он рычит: — Шантрапа! Стрілять би всіх! Коли б прийшли наші!..

...Глубокое раздумье стягивает лицо атамана Шкаденко.

Старинная дедовская груша, под которой полвека с лишком тому назад играл он казачонком, слушал рассказы про черкесские набеги и потучал отцовские штепки, — старинная дедовская груша еще больше расстраивает его.

— Боже ж мій! Доки це буде?..

...Гуляют по степи ветры и морозы. В станице тяжелое золотое зерно пшеницы, ячменя распирает крепчайшие стены амбаров. Подняв широкие воротники кожухов, собираются к Шкаденко старые степные братья-козак.

Добрые собираются у Шкаленко козак. Многие было ржи сделано по станице. Многие было и вынесено вместе с ними Леонтием Федоровичем: в мае 1921 года Кубанский областной революционный трибунал судил всех их да еще многих других. Одни были приговорены к расстрелу, другие — к тюрьме за контрреволюцию, за издевательство над семьями красных партизан и большевиков. Но пронесло — расстрел за-

менен был тюрьмой, сроки отсидки сброшены, все живы, оправались, теперь опять сильные у всех хозяйства. Да радости мало — черный позор лишения висит над всеми и глухая неудержимая вражда и тоска у каждого по тому, что было...

Собираются у Шкаденко братья-козак, взволнованные новостями. Огладив широкой, во всю грудь, разлет бороды — серебро с чернью — первую чарку поднимает Шкаденко. Дрогнувшим баском провозглашает бывший атаман тост за возвращение из-за далеких синих морей, из чужих полуденных сторон — шек кубанского товариства.

Радостные предчувствия высекают у казаков светлую и гучую, как пламень, слезу.

— Не дамо хліба большевикам! Хай йім трясця! Наші ідуть.

Но не идут они, долгожданные. А за хлебозаготовками идет самооблог, крестьянский заем. За выступления против этого, за агитацию уже взяты и осуждены пятеро нетерпеливых. Еле вывертывается Шкаденко, сказав про сборища на дому: собирались-де гости погулять...

...« Пропадает товариство! » — в муке думает атаман. Но своим людям говорит упрямо и твердо:

— Терпите, братья. Придут наши — все вернем...

...Леонтий Федорович сердая на то, что до сих пор не гремят на Черномории пушки десантов, говорит своим в станице:

— Треба гуртуваться, братки. Як ми начнемо, тоді і ті поспішать!..

...Шагает атаман, пригнув могучую голову, не поднимая глаз, шагает в черевиках на босу ногу, без пояса, в латаной и выцветшей исподней рубаше.

Нескончаемой раскаленной пустыней лежит перед ним станичная площадь. Лобным местом высится стансоветское крыльцо. Смотрят на него городовики, наезжие чужие люди да свои — продавшиеся. Смотрят с того самого крыльца, на которое выхлдил он когда-то в темнокоричневом добротном чекмене и серебряные, ажурной работы газыри да оправа оружия сверкали на солнце...

— Боже ж мій! — стонет Шкаденко, с трудом переводя дыхание.

Поток воспоминаний снова обдаёт сердце горечью и мукой.

Дальше была тюрьма за вредительство. Долгие ночи, скрашенные только беселами с такими же, как и он, страдальцами да песнями. Казачьими песнями, при которых умереть добром казаку не лихо.

Пла-а-чуть, стонут запорожцы
В тяжелой неволи...*)

...Пришлось и Леонтию Федоровичу своими конями вспахать три десятины проклятым городовикам. Но сам он сеет меньше прошлогоднего:

— Зачем сеять? Для большевиков? — Не будем робить для них!..

...Леонтий Федорович изредка подойдет к фотографиям, тоскующими глазами взглянет на них, взглянет на оружие, которым воевали деды, вышедшие на Кубань сорока запорожскими да буджакскими куренями. Воевали деды и отцы за новую родину, за землю, за каждую пядь земли.

— Боже ж мій! Земля!..

Пропалает дедовская, политая кровью земля уходит от казаков.

— Боже ж мій! Земля наша!..

...В двалцать втором году проволится первое станичное землеустройство. Не помогают ни почжоги, ни развалы домов на новых планах, ни свирепый мордо-

*) От ред.: Мы думаем, что эту песню давно уже поют там так:

Плачуть, тужать козаченьки
В московській неволі!..

бой. Садятся проклятые городовики на казацкую землю...

Сейчас вот новое землеустройство... Шкаденко получает шесть полосок в шести полях. А его, Леонтия Федоровича, земля уходит бабскому колхозу имени Крупской.

— Пропадем!

..Как запертый зверь, заполняя спальню могучим корпусом, молча и страшно беснуется атаман. Вспоминает слова старика Кибалки, того самого, в доме которого и сейчас есть вывезенные из Запорожской Сечи с золотой насечкой пистолы: «Було б нам в девятнадцатом та двадцатом году не сдаваться»...

... — Булоб тоді не сдаваться — зараз треба еднаться! — шепчет он громко, выводя старательно и терпеливо буквы.

«Браты козакы! До вас маю слово»...

Атаман склоняется над бумагой...

...Шкаденко снова прошибает озноб тоски и отчаянной решимости.

— Треба до всього козачества гукаты. Треба, бо время тому, — громко говорит он...

...Перо скрипит быстро и сильно:

...«Погане життя настало на Кубані внукам і правнукам. Піддалися козакы ворогам.

И докы вы, запорожськы внуки и правнуки, будете держат чашу в руках, и вже, кажись, вы все пили и пьете. Все остатки Запорожя, коли вам чаша гирка станет, коли у вас терпіння вийде»...

...Тяжкая, свинцовой пулей, падает в бороду следа.

...«Мы знаемо, мы чуемо, мы не можемо лежать в сырой земле. Мы вси клали голову, колысь давно гут жили черкесы. Кровь лилася кажну нічь и день. Спросите старого козака, як бився, и вин вам и мисто покаже. Мы положили вси головы наши за що? Щоб наши внуки и правнуки жили на своих запоріж-

ях и булы вирни сыны своей земли и своего права и свободы».

Атаман кладет руки на стол...

...Солнце идет по-над Кубанью вниз к Старокорсунской станице.

С окаменелым лицом пишет атаман:

«Ой, выпили полно чашу та ще й з верхом, запорижськы остатки»...

...Треба братися за дило, браты мыли»...

— Треба браться, браться, — вздыхая, повторяет Леонтий Федорович...

... — Та не буде никому пощады, никому! Геть видциля, с Кубани, скажена сила! — с мрачной и непоколебимой решимостью приговаривает атаман. Вспоминает вдруг семьи казаков-большевиков: — И таким не буде пощады! Не буде!..

...В церкви еще идет служба. Шкаденко решает не дожидаться остальных.

— Браты! — начинает он, сдерживая дрожь голоса: — Браты козакы! Доси мы терпили. Як дальши будемо жить?...

Шкаденко наизусть читает свое послание братьям козакам.

«Ой, выпили толну чашу та ще й з верхом, запорижськы остатки»...

— «Та ще й з верхом», — в муке повторяет Шкаруба.

У Шерстюка прорывается глухой взрыд.

Шкаденко засовывает за пазуху листки.

— Як же, браты?.. Будемо и дальше в кулак шептать?..

Чеснык вскакивает, хватая за руку атамана:

— Кажы, кажы, батьку! Все будемо робить»...

— Будемо робить! — повторяет решительно Яков Шкаруба.

(Продолжение следует)

Признания врагов

Приводим ниже несколько выдержек из речей т.т. Ларина и Шеболдаева, сказанных в Ростове месяца тому назад на «краевом слете отличников сельского хозяйства». По этим выдержкам нетрудно понять, что борьба Казачества с оккупантами там продолжается.

Итак, т. Ларин говорит:

...«Разбитые на голову в открытом бою белогвардейцы, классовые враги, перегруппировав свои силы, попытались изнутри взорвать колхозный строй. — Рабочие и колхозники края, почував грозную опасность, стали мощной стеной, поднялись на врага и разгромили контрреволюционный саботаж... — Под руководством Сталина большевистская организация, советы, рабочие и колхозники поднялись мощными рядами для разгрома контрреволюционного саботажа... — колхозный строй вошел в плоть и кровь колхозников Кубани и Дона». — Но, «успехи, достигнутые нашим краем, не должны вскружить нам голову. Тот урожай, который мы сняли в этом году с наших полей, не может нас удовлетворить»...

А т. Шеболдаев подводит итоги:

«Нынешний год подводит черту под всем тем периодом, который связан с кулацким саботажем и последствиями этого саботажа. Можно сказать твердо, что Азово-Черноморье... покончило с отставанием... — Тысячи партийных и непартийных большевиков вынесли на своих плечах трудности первого этапа колхозного строительства в нашем крае, борьбы с сабогажем. В этой борьбе закалялись крепкие кадры. Сотни буленновцев Первой конной работают председателями колхозов, парторганами, бригадирами. В колхозах работают герои Таманской армии, ствропольские партизаны, ростовские пролетарии, шахтеры»...

А через двенадцать строчек:

«Руководители колхозов и бригад привыкли за последние годы работать в условиях прорыва, отставания. У некоторых товарищей еще чувствуется какаря-то неуверенность в себе... — Надо быть бдительными. Нельзя забывать, что в наших колхозах имеется еще немало таких элементов, которые попытаются нам вредить. Людям, которые не способны продолжать борьбу с таким же напряжением, как и раньше, которые хотят отдохнуть, — тем с нами не по пути»...

...«Мы справляемся со всеми работами, но еще не научились культурно работать»...

...«Мы имеем все условия, чтобы в нашем крае была своя Флорида (по земледелию), своя Австралия (по животноводству). Но для этого надо, прежде всего, переделать себя»...

— А по нашему, для этого надо, прежде всего, выгнать всех Шеболдаевых из казачьей хаты.

(Цитированные выше выдержки взяты из краткого изложения доклада т. Шеболдаева, напечатанного в «Молоте» 10 ноября с. г. Там же напечатано, что доклад т. Шеболдаева будет дан полностью в ближайшем номере «Молота». — Но, все еще не дан).

ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

(Очерк на тему: Казачество и Россия)

Часть III.

(июнь - декабрь 1919 г.)

Заседания Краевой Рады начались 24 октября. В этот день был отслужен в помещении Рады молебен, закончившийся провозглашением... «многoletия Верховному Правителю», хотя этого самого Правителя Рада не признавала. Русское духовество на Кубани само стремилось подвести Кубань под Колчака. После этого многолетия провозглашена была «вечная память убиенному рабу Божию Николаю (Рябоволу). «При этих словах весь зал, как один человек, опустился на колени, и оставался так в глубокой неподвижности все время скорбного песнопения», говорит отчет об этом.

После молебна Президиум занял свои места, при чем кресло убитого председателя Рады Н. С. Рябовола, обвитое траурными лентами, все время оставалось свободным.

Товарищ председателя Краевой Рады полк. Роговец обратился к Раде со следующей речью: ... «Господа члены Чрезвычайной Кубанской Краевой Рады! Восемь месяцев прошло с момента закрытия второй сессии. За это время мы лишились нашего председателя Н. С. Рябовола, убитого предательской рукой (все члены Рады встают). Во все эти восемь месяцев велась героическая борьба казаков вместе с русскими лучшими людьми за Великую Свободную Россию. В результате этой борьбы значительная территория Юга России очищена и вместе с тем жизнь выдвинута перед нами новые сложные вопросы, которые придется разрешать в тяжелой обстановке бушующих политических страстей, главные стрелы которых направлены на казаков. Главная задача момента сейчас умиротворение Юга России. И не только одним штыком будет достигнуто это. Нужна большая созидательная работа. Дай Бог выполнить нам эту работу на благо Края и Великой Единой Свободной Федеративной России.

По поручению президиума объявляю третью сессию Чрезвычайной Краевой Рады открытой.

Приглашаю господ членов Рады завтра, в 11 часов утра, пожаловать на панихиду по покойному Председателю, имеющую быть на могиле его на Крепостной площади», закончил полк. Роговец.

Мы умышленно привели эту речь, сказанную при открытии Рады, чтобы показать, какими в действительности настроениями жил тогда президиум Рады.

25 октября было посвящено всецело памяти убитого председателя Рады Н. С. Рябовола: сначала была всего гарнизона г. Екатеринодара и многих тысяч населения, потом памяти покойного было посвящено целое заседание Краевой Рады.

Заместитель председателя Рады Султан-Шахим-Гирей между прочим сказал: ...«Рука, поднявшаяся против председателя Краевой Рады, загесена была против всей Рады, против хозяина Земли Кубанской. Враги народа наделили своим черным делом внести смуту, расстроить наши ряды. Но они ошиблись в расчетах. Кубань вознегодовала, загорелась ненавистью к предателям и десяткам приговоров вольных кубанских станиц заклеймила гнусное, злое, черное дело. Умер председатель Краевой Рады, но бойцы еще есть. Ряды их уплотняются. И не стомить врагам народа духа народного и не запугать предателям народных представителей.

Вечная память тебе, председатель Кубанской Краевой Рады, слава Кубанской Краевой Раде!»

Все последующие операции в самых решительных выражениях осуждали гнусное убийство и прокатили не только физических, но и моральных убийц лучшего кубанского казака.

В заключение преобразенный Кубанский Войсковой Хор пропел **Защитит** Т. Г. Шевченка и Кубанский гимн. Вся Рада и публика выслушали пение стоя.

В общем, это заседание превратилось в демонстрацию против внутренней и внешней политики Добармии.

Это хорошо поняли «белые» вожди. Недаром ген. Деникин даже за границей, много лет спустя, написал по этому поводу: ...«С первого же дня Рады, подчинившись вполне влиянию самостийной группы, приняла ярко враждебную нам позицию», написал он в Брюсселе в 1926 году, т. е. семь лет спустя после описываемых событий. (Очерки, т. 5-й, стр. 208).

В тот же день, 25-го октября, в отдельных заседаниях членов Рады было предреждено следующее: 1) председателя Рады не избирать, считая, что это место занято Н. С. Рябоволом, чем подчеркивалось, что Кубанская Краевая Рада не желает сходить с того пути, которым она шла под председательством покойного своего бессменного председателя; 2) большинство членов Рады не захотело принять кандидатуру Ф. С. Сушкова в заместители председателя Рады, так как Ф. Сушков был сторонником политики Деникина, и то же большинство согласилось голосовать за выдвинутую самостийниками кандидатуру И. Л. Макаренка.

И. Макаренко перед этим был товарищем председателя первого Войскового Правительства в 1917 г., товарищем председателя Правительства Юго-Восточного Союза, председателем кубанской части кубано-деникинской согласительной комиссии в 1918 г., кубанским Краевым контролером в 1918-1919 г. и членом и председателем кубанской делегации на Южно-русскую конференцию в 1919 г.

Такое начало работ Рады, естественно, вызвало большую и понятную тревогу в русских кругах вообще и среди руководителей «белых» в особенности.

Надежда на возможность осуществления на Кубани «мирного» переворота, намеченного на совещаниях генералов 8-9 октября, исчезла...

Поэтому русские заговорщики начали действовать более энергично.

25-го октября Кубанский Атаман Филимонов телеграфировал в Таганрог Деникину:

«По объяснению Султан-Шахим-Гирея договор с Горской Республикой был заключен и подписан Кулабуховым и другими, как проект, подлежащий утверждению Законодательной Радой, на случай, если бы Антанта признала власть большевиков».

И в тот же день ген. Денигин разослал Атаманам Кубани, Дога и Терека, а также и командующим армиями и главноначальствующим областей следующую телеграмму:

«В июле текущего года между правительством Кубани и меджлисом горских народов заключен договор, в основу которого положена измена России и передача кубанских казачьих войск Северного Кавказа в распоряжение меджлиса, чем облекается на гибель Терское войско. Договор подписан Бычем, Савицким, Кулабуховым и Намчоговым, с одной стороны, и Чермоевым, Гайларовым, Хатзагаровым и Бамматом, с другой. Приказываю при появлении этих лиц на территории Вооруженных сил Юга России немедленно предать их военно-полевому суду за измену».

Получив эту телеграмму, Филимонов спрятал ее, выжидая дальнейших шагов Краевой Рады.

26-го октября Рада приступила к выборам заместителя председателя Рады. В это время были пущены в ход все силы и все содействия, лишь бы не допустить избрания в председателя Краевой Рады самостийника.

На сцену открыто выступили «русские казаки», стараясь испортить печальный инцидент, происшедший в заседании Законодательной Рады за два дня до открытия работ Краевой Рады. Дело в следующем.

Кубанская делегация на Южно-русскую конференцию, вызванная в Екатеринодар постановлением Закон. Рады, 22 октября выступила в этой последней с обстоятельным докладом о работах конференции в августе, сентябре месяцах. Председатель этой делегации, И. Л. Макаренко, делая доклад о работах конференции и о положении на Дону, остановился на общей оценке боевой деятельности донского героя генерала Мамонтова. Отзываясь с чрезвычайной похвалой об этом донском герое, И. Макаренко выразил сожаление, что, по его мнению, «несчастная Кубань не могла даже породить двух-трех порядочных генералов». Председательствующий в заседании Рады Султан-Шахим-Гирей немедленно остановил докладчика замечанием о недопустимости подобных выражений. После объявленного перерыва И. Макаренко разъяснил, что он не имел в виду нанести оскорбление кубанским генералам, а имел в виду только их политическую подготовку — он выразит сожаление, что Кубань не породила двух-трех политически зрелых генералов.

Этот инцидент вызвал бурю протестов со стороны кубанских генералов и был широко и умело использован переворотчиками.

В самый день выборов заместителя председателя Краевой Рады, 26 октября, в газетах появилось «Открытое письмо в.р. Управляющего Военным Ведомством Кубанского Краевого Правительства председателю Кубанской Краевой Рады», гласящее между прочим следующее:

...«Эта огульная оценка касалась тех генералов, которые сейчас на полях кровавых сеч отдают свою жизнь за спасение родной нам Кубани, тех генералов, которые отдали и отдадут всю свою молодость, все свои силы и весь свой опыт, приобретенный долголетней службой, на благо родины... Когда я пишу это письмо, ко мне поступают запросы от наших генералов. — чем вызван этот оскорбительный отзыв г. Макаренко о кубанских генералах, возродивших Кубанские части, ведших их к славным победам, генералов, сложивших свои головы за счастье родной Кубани. Что я им отвечу? Ведь, г. Макаренко член Законодательной Рады, политически зрелый человек, ответственный за свои поступки и слова. Президиум Рады удовлетворится поправкой г. Макаренко, но кубанские генералы этим не удовлетворены, конечно, и я, как стоящий на страже интересов Армии, во имя чувства служебного долга и справедливости не могу умолчать об этом и полагаю, что этот вопрос, в виду переживаемого момента очень острый и важный, должен быть разрешен Краевой Радой.

Ее неблагоприятный суд должен установить границы дозволенного в отношении Армии, устранив всякую возможность незаслуженных и жестоких оскорблений Армии, откуда бы они не исходили. Это особенно важно теперь, когда каждому из нас приходится напрягать все свои моральные силы в тяжелой борьбе. Нетъзя работать, неся на своей совести позорное пятно, и пока оно не будет снято, нельзя ручаться за то, что тяжесть этого позора не повлечет за собой единоличных попыток так или иначе освободиться от нее.

Пусть же этого освобождение будет естественным и законным путем, по которому пойдут наши народные избранники.

Поллиное подписал: ген.-майор Звягинцев. С подчинным верно: сотник Костенко. 25 октября 1919 г. Г. Екатеринодар».

В то время, как ген. В. Г. Науменко был военным министром на Кубани, генерал Звягинцев был его первым помощником и принимал участие в недопущении проведения в жизнь закона Краевой Рады о Кубанской армии. Генерал Звягинцев прекрасно знал, что жетание Кубанского казачества **иметь свою армию** было неизменно и непоколебимо. Знал ген. Звягинцев и другое, что именно кубанские генералы, а в том числе и сам ген. Звягинцев, слетали все, чтобы не допустить организации Кубанской армии.

Если ген. Звягинцев выступал теперь в защиту чести и доброго имени кубанских генералов, что входило, конечно, в его обязанности, то почему он сам

или кто-либо другой из кубанских генералов, бывших у власти в тылу или на фронте, не выступили так же смело и публично в защиту Закона об Армии Кубани? Почему кубанские генералы терпели издевательства Деникина и его окружения над Кубанью? Где были кубанские генералы, когда кубанские казаки, тысячами умиравшие на фронте, тысячами калечившиеся в боях, требовали через Краевую и Законодательную Рады, требовали через множество приговоров станичных обществ **организации самостоятельной Кубанской армии?** В каждом государстве все граждане, а в том числе и генералы, должны честно исполнять ясно выраженную волю народную. Кубанское казачество требовало организации **своей Кубанской армии**. Где же была совесть и честь ген. Звягинцева, когда он занимал высокий пост помощника военного министра и, уже в силу этого, обязан был со всей энергией ввязаться за организацию Кубанской армии?!

Никто не имеет права оскорблять генералов, как не имеет права оскорблять и казаков. Но разве те генералы, которые **не допускали организации Кубанской армии**, не издевались над казаками, разве они не оскорбляли их правосознание, разве они не доводили их до отчаяния!...

Больше того, готовя переворот на Кубани, ген. Врангель поставил одной из целей этого переворота **уничтожение самого закона о Кубанской армии**. Об этом намерении Врангеля хорошо знали некоторые кубанские генералы, занимавшие посты в тылу или на фронте.

Когда ген. Звягинцев писал свое письмо в защиту чести генералов и просто справедливости, ведь он уже участвовал в заговоре против Краевой Рады, ибо он хорошо знал о задуманном плане переворота, хорошо знал о цели переброски на Кубань фронтовых частей, прекрасно знал, какую именно работу проводил на Кубани ген. Покровский... И при всех этих условиях ген. Звягинцев нашел в себе моральные силы апеллировать к той самой Краевой Радой, которую некоторые генералы вели на явное заклятие, вели на унижение, на позорище, которым она в действительности подверглась потом...

Член Краевой Рады ген. А. Гейман также поместил в газетах письмо, весьма резко осуждавшее поступок И. Макаренко.

Вообще говоря, выше описанный инцидент в Законодательной Радой подлил масла в огонь...

Атаман Филимонов, имея уже в кармане нераспубликованный еще приказ ген. Деникина об аресте и предании военно-полевому суду членов Кубанской заграничной делегации, 26 октября обратился с официальным письмом на имя президиума Краевой Рады, в коем указывал «на возможность осложнений в отношениях Кубани и Добровольческой армии в случае избрания одиозной для него кандидатуры И. Л. Макаренка» на пост председателя Рады.

Внутренняя борьба в самой Радой достигла весьма большого напряжения: одни депутаты стояли за кандидатуру Ф. С. Сушкова, как сторонника Добровольческой армии, а другие также настойчиво поддерживали кандидатуру И. Л. Макаренка.

Однако, ни агитация, ни запугивания, ни письмо ген. Филимонова на имя президиума Рады, ни открытое письмо ген. Звягинцева не помогли сторонникам Добрармии: при выборах заместителя председателя Рады за И. Макаренка было подано 253 голоса, а за Ф. Сушкова — 158 голосов.

На следующий день, 27-го октября, Войсковой Атаман Филимонов выступил в Радой с приветственной речью, в которой заявил: ...«Весь мир, вся Россия смотрят на Казачество с восхищением... И все же на Кубани не все благополучно. Достаточно было послушать речи, посвященные памяти Н. С. Рябова или присутствовать вчера на выборах председателя, чтобы понять и почувствовать это. В бочке Кубанского мела есть деготь. Появились мрачные тени, которые сеют зло и негавишь... Мы должны выйти отсюда примиренными. Если этого не случится, мы не дождемся конца ужасной бойни»...

После Атамана говорил председатель Кубанского

правительства П. И. Курганский... Он говорил о борьбе за Кубань, за свяую, но поруганную мать Россию... «Мы, Кубанцы, стоим сейчас на распутии большой исторической дороги, которая от родных станиц, сел и аулов ведет нас в Екатеринодар, а отсюда к великой России и дальше на мировой путь международных отношений», говорил П. Курганский...

Из приветственной речи заместителя председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирея отметим следующее: «...Есть поговорка: стрела бьет хорошо, когда хороша тетива. Строительству России будет завидно от того, как мы сумеем провести здесь принципы народоправства. Если доблестная наша армия идет победно по большой дороге, а здесь, в тылу будет твориться великая несправедливость, от завоеваний фронта ничего не останется. Вот вам пример: кругом волнения, восстания, а на Кубани нет их. Это потому, что во главе у нас стоят народные избранники, а не люди по назначению. В этом сила и залог будущей победы Кубани над большевизмом, и справа, и слева. Наше среднее демократическое положение тяжело, путь наш тернист, но на нашем знамени: — Демократическая, федеративная Российская Республика», восклицал заместитель председателя Законодательной Рады.

Далее приветствовал Раду представитель Дона ген. Ажинов, который выразил уверенность, что «Москва не забудет казаков, и да будет тогда стыдно тем, кто навязывал казакам самостийность». Ген. Ажинову отвечал Ф. К. Воропинов, выразивший такую уверенность: «...Но теперь, когда милостью Божьей и доблестью казачьей свергнут большевизм, три брата, три Войска Казачьи могли бы собраться вместе и сразу сговориться»...

Почти то же говорил и представитель Терека Г. Фальчинов, твердивший, что Казачество борется за Россию, но что казаки «власть законодательную отдадут только Всероссийскому Учредительному Собранию», и веривший, что «настоящая сессия Кубанской Краевой Рады претворит в общегосударственные формы чаяния и надежды Кубани и Терека» (бурные аплодисменты).

Отвечавший ему член Рады Г. В. Омельченко подтвердил, что мнения, высказанные сейчас г. Фальчиновым, являются убеждением всего Терского войска.

Войсковой Атаман Филимонов и от себя приветствовал представителей Дона и Терека. Атаман вспомнил недавние встречи Атаманов всех трех Войск — Донского, Терского и Кубанского, — и заявил: «Доклаживаю, что после этих свиданий я ношу твердое убеждение, что никто, никогда, никакие силы не отнимут наших волюнтерств». И далее тот же ген. Филимонов восклицал: «Великая Русь встанет! Мы ей поможем, и Русь отдаст нам земной поклон! Русь должна будет посадить нас на переднюю скамейку в Учредительном Собрании... И когда я слышу малодушные опасения, что кто-то покушается на казачью волю, я не верю и считаю такие опасения вредными» (зал гремит рукоплесканиями)...

Это говорит выборный Кубанский Атаман, у которого в кармане уже два дня лежал приказ Деникина о передаче военно-полевому суду членов заграничной делегации Рады.

После этих приветствий объявлен был перерыв и далее началось летовое заседание. С докладом выступил все тот же Атаман Филимонов. Объяснив причины созыва Рады, Филимонов далее говорит следующее: «Первый вопрос, которым вам, вероятно, придется заняться, это вопрос о парижской делегации. Парижская делегация — это яблочко раздора между властью на Кубани и Добровольцем. При всех встречах с ген. А. И. Деникиным и другими представителями командования мне всегда указывали на повечерие делегации. Мне указывали на те меморандумы, которые неоднократно подавались делегацией. Ген. Деникин неоднократно и в самых резких выпадениях говорит мне о неподобающей, самостийном, сепаратистическом поведении делегации... Особенное же возмущение ген. А. И. Деникина вызвал договор с Республикой гор-

ских народов, который А. И. Деникин считает преступным и квалифицирует, как государственную измену. ...Тем не менее, с большим трудом мне до сих пор удавалось убедить ген. Деникина предоставить в этом вопросе разобраться нам, казакам.

Но вот... получена мною телеграмма, адресованная также Донскому и Терскому атаманам, командующим армиями, военному губернатору Черноморской губ. и другим, в которой четыре члена делегации, подписавшие договор с Горской республикой, обвиняются в государственной измене и требуют представить их в суд (в зале раздается глухой ропот, слышится сдавленный гул).

Таким образом, хотя моя программа и не предусматривает вопрос о делегации, но эта телеграмма обязывает вас этим вопросом заняться в первую голову. Вы должны будете выслушать оба направления, оба течения до конца и отнестись серьезно, искренно, правдиво, чтобы предотвратить катастрофические последствия» (среди членов Рады шум)...

Здесь важно отметить то, во-первых, что Кубанский Атаман два дня скрывал приказ деникина, во-вторых, то, что этот приказ Атаман сам доложил Раде, и, в третьих, что у Кубанского Атамана не было ни слова протеста против приказа ген. Деникина о передаче военно-полевому суду членов Кубанской Рады, членов выборной заграничной делегации, приказа, который являлся открытым и прямым издевательством над Кубанью...

Выборный глава Кубанского Края, президент Кубани, верховный вождь вооруженных сил Кубани выступал не в роли защитника чести, достоинства и независимости Кубанского Края от посягательства ген. Деникина, а в роли лица, подчиненного Деникину, в роли передаточной инстанции между Деникиным и Кубанской Краевой Радой...

Но, Кубанская Краевая Рада, узнав о приказе, не потянула к ответственности Атамана Филимонова за неисполнение им своей первой обязанности перед краем — защиты его от посягательства русского генерала. Краевая Рада вообще не сразу реагировала на этот приказ... Как будто ничего особенного не случилось, Рада решила сначала заслушать некоторые информационного характера доклады. Очевидно, президиум Рады думал, на основании документов, нарисовать полную и правдивую картину жизни Кубани, ее политического, военного и экономического положения, ее взаимоотношений с Добровольческим командованием, чтобы отбросить ту массу безосновательных обвинений, которые бросались самостийникам со стороны русских вообще и со стороны добровольческих генералов в частности.

Вне сомнения, такой порядок работ Рады после объявления приказа Деникина свидетельствовал о слабости самостийнических кубанских сил. Если бы самостийники чувствовали себя сильными, они не занимались бы информационно-агитационными докладами, а немедленно бы реагировали на приказ Деникина, в самом корне отрицавшим самостоятельность Кубанской Республики... И провозглашение на молельне 24-го октября «многолетия верховному правителю», оставшееся не опротестованным, и речь полк. Роговца при открытии Рады в тот же день, и последующие речи членов Рады, посвященные памяти Н. С. Рябовола 25-го октября, и приветственные речи 27-го октября ясно говорили, о том, что говорившие не чувствовали себя гражданами своего независимого государства, а выступали в роли граждан России, только стремившихся перестроить ее на известных началах — одни на федеративных, а другие — на автономных. Между этими речами и духом договора между Кубанью и Горской Республикой, зарегистрированного Кубанской делегацией в Париже, была четкая пропасть. На Раде Кубань выступала, как часть России, а в договоре, как самостоятельное государство, волящее распоряжаться своей внешней и внутренней политикой.

Вот этот диссонанс между Делегацией Рады и самой Радой и решила использовать русские, опирающиеся, как мы знаем, на помощь со стороны кубанских землевладельцев, кубанских купцов и торговцев.

кубанских генералов и вообще на кубанских единонеделимцев...

Единоделимцы хорошо знали, что кубанские самостийники еще слабы, что они не найдут помощи ни на Дону, ни на Тереке, ни за Кавказскими горами, ни на Украине...

Уже одно это соотношение сил показывало, на чьей стороне будет победа. Офицерские верхи армии были на стороне Деникина, самостийники не смогли с самого начала взять в свои руки кубанские вооруженные силы: еще перед Первым походом на пост командующего куб. вооружен. силами попал чужой Покровский; в марте в этой роли выступил генерал Корнилов, а потом — генерал Деникин; закон об армии Кубани оставался на бумаге, кубанцами командовал чуждый (и по происхождению, и по духу) — ген. Врангель, которого поддерживал кубанский генералитет...

По существу вопрос сводился только к тому, как неделимцы сумеют технически осуществить переворот...

28 октября был заслушан доклад заместителя председателя Законодательной Рады Султан-Шахим-Гирея о работах Законодательной Рады и о постоянной борьбе против нее. В тот же день председатель Военной Комиссии Зак. Рады полк. К. Гончаров сделал доклад по вопросу о том, почему не была организована Кубанская армия, при этом он документально доказывал, что главная вина падает на бывшего военного министра ген. В. Науменка. После полк. Гончарова выступил бойсковый атаман Филимонов, стремившийся оправдать ген. Науменка и себя и свалить все на «обстоятельства»...

В следующие дни были заслушаны доклады члена Куб. Правительства И. П. Тимошенка по делам продовольствия и члена того же Правительства В. Н. Иваниса по делам торговли и промышленности. Оба эти докладчика рассеяли обвинения Кубани в отсутствии забот об Армии и нарисовали в действительности весьма и весьма мрачную картину отношений между Кубанью и Добрармией.

Если взять в целом доклады Султан-Шахим-Гирея, полк. К. Гончарова и членов Правительства И. Тимошенка и В. Иваниса, получится, что на скамье подсудимых сидели русские военные и гражданские руководители «белого» движения на юге, а обвинителем являлась обвиняемая ими Кубань... Справедливым и суровым судьей должна была явиться кубанская вооруженная сила, карающая предателей и изменников, но она находилась в руках подсудимого... И этот подсудимый, проиграв борьбу с красной Россией, вдруг из подсудимого обратился в судью, собиравшегося покарать ту самую Кубань, благодаря которой он спас свою жизнь, откормился на кубанских белых хлебах и поднялся быто до самого г. Орла...

Кубанские полки слушали на фронте генеральскую клевету на Кубань и, сбитые с толку, носили на руках поносителей Кубани...

Когда генералы увидели, что пришедшие с Кубани новые казацкие пополнения начинают разбираться в обстановке, начинают понимать, кто в действительности **предаёт** казаков, кто разграбляет и деморализует казачий тыл, генералы пришли в бешенство и набросились на Раду, на ту самую Раду, которая, как говорили на ней многие ораторы, и не собиралась окончательно отделяться от России...

Не чувствуя за собой никакой вины, Рада продолжала свою работу по опречтенной программе. 31 октября она установила следующую повестку дня: 1. О приезде ген. Леникина. 2. О пакижской делегации. 3. О Кубанской армии. 4. О деятельности Законодательной Рады. 5. О финансово-экономическом положении

Кубани. 6. О работах Южно-русской конференции. 7. Об атаманах отделов. 8. Закон о выборах в Краевую и Законодательную Рады...

В том же заседании долго несмолкавшими оациями была покрыта речь казака, говорившего от имени всех депутатов, прибывших с фронта. «Вот вы говорите, что все посылаете для фронта, почему оно не доходит, так мы этого не знаем... Господа, Краевая Рада! Мы не получаем на фронте сведений о ваших работах, разве отпуском привезет кто. Читаем какой-то «Голос Руси»... Просим присылать вашу литературу... Господа, Краевая Рада! Пока в наших руках крепко держутся шашки и винтовки, вы можете спокойно работать», закончил свою речь фронтовик. Рада встала и, казалось, от гула аплодисментов содрогалось здание...

Потом в тот же день, 31 октября, Краевая Рада приступила к обсуждению вопроса о телеграмме-приказе Деникина о предании военно-полевому суду членов Кубанской делегации. Снова первым говорил Атаман Филимонов, рассказавший историю появления этого приказа. Затем ген. Филимонов, скрывая от Рады существование заговора против нее, сообщил о том, что он будто бы пригласил в Раду командующего Кавказской армией генерала Врангеля, что Врангель вначале ответил, что он придет 28-го октября. И, оказывается, был в Екатеринодаре, но, приехав в час ночи, в 3 часа уехал обратно, докладывал Атамана. «А сегодня я получил телеграмму, объясняющую его поведение. Телеграмма гласит:

«Оскорбительные выражения, допущенные нынешним председателем Краевой Рады в отношении войсковых начальников, безнаказанное присутствие среди членов Краевой Рады, объявленного изменником, преданного военно-полевому суду, Кулабухова, лишает меня возможности воспользоваться Вашим приглашением посетить Краевую Раду, что при настоящих условиях считаю несовместимым с достоинством ни моим личным, ни армии, во главе которой я стою. Кисловодск. 31 октября. Ген. Врангель».

В ответ на эту телеграмму с мест раздалась возгласы: «Не запугаете»...

Ген. Филимонов обманывал Раду. Причины неприезда Врангеля были иные, о чем будет сказано далее. Теперь же обратимся к обсуждению вопроса о приказе Деникина.

Первым после речи Атамана говорил Султан-Шахим-Гирей:

«...Тяжелый вопрос подлежит нашему разрешению... Прежде всего в этом вопросе нужно отличать некоторые моменты. Нужно отграничить Добровольческую армию от Особого Совещания и личность ген. Деникина от последней телеграммы... Приказ издан не только губернатором губерний, занятых Добровольческой армией, но и Войсковым Атаманом Казачьих Войск, во внутреннем своем управлении совершенно независимым от Особого Совещания и Главнокомандующего... Встает вопрос: кто мы и кто лицо, стоящее над Добровольческой армией? Является ли Кубанский Край вассальным владением главнокомандующего?... Поборов большевизм. Кубань целый год работала на фронте и в тылу, обеспечивая жизнь и благосостояние Кубанского Края и содействуя успехам Добровольческой армии на Тереке и на Дону.

Нам нужно решить вопрос, самостоятельны мы или зависимы? Если мы самостоятельны, всякий акт, исходящий не от власти Кубанского Края, не может иметь никакой силы на Кубани.

Нужно отвести меч, который занесен над делегацией. И лучший путь для этого, путь сговора, соглашения. Если возник вопрос о государственной измене, то Краевая Рада и в этом разберется, а ген. Де-

ГЕРМАНО-ЯПОНСКИЙ СОЮЗ

По сообщению швейцарских газет, в ближайшие дни в Берлин приезжает японская военная миссия, которой поручено вести переговоры о заключении германо-японского военного соглашения. Германская дипломатия видит в германо-японском союзе противовес франко-советскому пакту.

никину следовало бы обратиться к Краевой Раде и если бы слетели чьи либо головы, то только под мечем Краевой Рады (аплодисменты)»...

Переходя далее к существу заключенного договора, Султан-Шахим-Гирей констатирует, что Главнокомандующий в данном случае введен в заблуждение, неправильно информирован:

...«Наша делегация с представителями меджилиса никакого договора не заключала, а заключила его с представителями Правительства бывшей Горской Республики, разогнанного Добровольческой армией. Договор заключен был 8-го июля, когда Правительство названной Республики уже не существовало и, следовательно, с юридической стороны ценность договора равна была нулю»...

Далее заместитель председателя Законодательной Рады опроверг указание в приказе на то, что «договор дружбы» угрожал Терскому Войску и отмечает, что еще покойный Атаман Войска Терского всегда был самым ярым сторонником и инициатором дружбы с горцами... Говорить о гибели Терского Войска более чем несправедливо»...

Далее в Раде выступили представители отделов.

Член Рады **Оверя** от Ейского отдела заявил, что «приказ ген. Деникина самым решительным образом оскорбляет правосознание населения Края, что ген. Деникин не имеет права карать или поощрять лиц поставленных Краевой Радой, и протестует против приказа, как попытки установления диктатуры. Ейский отдел считает, далее, совершенно недопустимым участие Кубанской делегации в работах Южно-русской конференции впрямь до отмены телеграммы Деникина, и предлагает сообщить о конфликте и причинах его вызвавших большим Кругам Дона и Терека, и представителям Союзных миссий и, наконец, широко распространить постановление Рад».

Член Рады **Подтопелный** о постановлении Майкопского отдела докладывает, что отдел «взглянул лишь на формальную сторону дела, имел ли ген. Деникин право предавать Кубанских представителей в Париже полемому суду.

Признавая, что представители Кубанского Края за свои действия подлежат ответственности только перед Краевой Радой, Майкопский отдел постановил: протестовать против предания полемому суду указанных в приказе лиц, настаивать на отмене приказа и, выслав Кубанскую делегацию на Южно-русскую конференцию, поручить ей продолжать вести переговоры с представителями Командования до отмены приказа».

От имени Лабинского отдела выступил сотник Д. А. Филимонов, предложивший существо договора устранить из поля зрения Рад. Затем Д. Филимонов от имени отдела предлагает в протесте против телеграммы Деникина указать, что Рада не пройдет мимо настоящего договора... Он высказывается также против перерыва переговоров Кубанской делегации на Южно-русской конференции с уполномоченными Главного Командования, считая такой перерыв — ультиматумом, после которого должны будут заговорить ружья.

От имени Сельско-городской группы делает заявление **Ю. А. Коробьин**. Эта группа постановила: 1) выразить протест против телеграммы, нарушившей Конституцию Края, и 2) признать участие в конференции до отмены телеграммы недопустимым.

«Если мы проглотим эту пилюлю», заявил **Ю. А.**

Коробьин, «мы упустим почву, и завтра нам заявят, что мы губерния, и, чего Боже упаси, если будут противоречить на конференции наши представители, нас обявят изменниками» (смех).

По поручению Баталпашинского отдела член Рады **Ширяев** предлагает, не входя в оценку вопроса по существу, поддержать протест и требование отмены телеграммы Деникина, а также о конфликте довести до сведения Дона и Терека.

Что касается Южно-русской конференции, то Баталпашинский отдел высказался против отозвания Кубанской делегации и предложил продолжение работ конференции не ставить в связь с телеграммой Деникина и скорее эти работы закончить.

Екатеринодарский отдел тоже протестовал против издания приказа и требовал отмены его.

От имени Кавказского отдела выступил **Ф. К. Воропинов**, возражавший против опасения, что Дон и Терек не поддержат Кубань в ее справедливой борьбе. Оратор напомнил недавнее прошлое, когда при аналогичной попытке со стороны Особого Совещания сделать наскок на Терское Войско и превратить Атамана Войска Терского в исправника, Дон и Кубань самым энергичным образом поддержали терцев.

Далее Ф. Воропинов высказывал крайнее удивление тому, что ген. Деникин, отдавая себе отчет в том, что делает, мог издать приказ, в котором нарушил не только права Кубани, но и Дона, и Терека, так как и Донскому и Терскому атаманам приказано задерживать упомянутых в приказе лиц. «Генерал Деникин», заявляет оратор, «опытный человек и знает, что делает, и если мы и после этого будем играть в тонкую политику, из этого ничего хорошего не выйдет».

В. Воропинов напомнил случай, когда Временное Правительство объявило Донского Атамана Каледина изменником и Дон на это ответил: «С Дона выдачи нет!» Точно так же должна поступить теперь и Кубань. «Не будем уподобляться Крыловскому повару, который читает нотации коту, преспокойно поедающему курятину», заканчивает Воропинов, призывая Рад к решительным мерам борьбы для защиты самостоятельности Кубани.

Горская фракция тоже считала необходимым протестовать против приказа Деникина.

Ввиду разнообразия предложений, сделанных представителями отделов, горской и сельско-горской групп, Радой была избрана особая комиссия для выработки общей резолюции Краевой Рад по вопросу об отношении к приказу Деникина.

1-го ноября Краевая Рада заслушала весьма обстоятельный доклад члена Рад и Заграничной Делегации Рад **А. И. Кулабухова**.

И только 2-го ноября всеми голосами, при одном воздержавшемся, Краевая Рада приняла следующее постановление:

«Кубанская Краевая Рада, не касаясь существа вопроса о «договоре дружбы», постановляет: 1) протестовать самым энергичным образом против приказа ген. Деникина и во 2) требовать срочной отмены этого приказа.

Настоящее постановление Краевая Рада поручает президиуму довести до сведения ген. Деникина, Союзных миссий, Правительств Дона и Терека, а также в срочном порядке оповестить об этом постановлении население Кубанского Края».

(Продолжение следует)

ФИНЛЯНДСКИЕ НАЦИОНАЛИСТЫ ПРОТИВ БОЛЬШЕВИКОВ

На съезде финского национального союза обсуждались вопросы внешней политики. Было подчеркнуто, что франко-советское сближение увеличило влияние СССР в международной политике. Финско-советские отношения далеко не блестящи. Поэтому, по мнению национального союза, Финляндия должна искать опоры в Германии. Она приветствует увеличение германских вооружений, германо-польское и польско-финское сближение...

Николай Посохов

Путями предков

(Продолжение).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

На другой день, при выходе из церкви, Джигит отвел атамана в сторону и сказал ему:

— Иван Иванович, я хотел бы немного поговорить с вами.

— Что прикажете, г-н сотник, отозвался атаман, идя рядом с Джигитом.

— Сегодня у нас в станице сбор и будут присутствовать на нем пришедшие с фронта казаки.

— Так точно, г-н сотник, я тоже хотел с вами посоветоваться, так как все эти казаки ваши однополчане.

В этот момент по площади, звеня бубенцами, прокатил почтовая тройка и порывисто остановилась у общественной квартиры. Джигит вопросительно посмотрел на атамана.

— Это участковый начальник, как-то виновато произнес атаман.

— Значит, Вы уже донесли в управление отрела?

— Что же делать, г-н сотник, я это делаю по долгу службы.

— Гм... Верно и офицеры, подписавшие смертный приговор Кулабухову, оправдывают свою совесть долгом службы, подумал Джигит. А вслух, обращаясь к атаману, спросил:

— А вы кому служите, участковому начальнику, который по духу более русский, чем казак, и который выполняет распоряжения Атамана, начавшего служить русскому делу, или казакам станицы, которые вас избрали на пост атамана и которых вы должны защищать и блюсти их интересы?

— Да, конечно-же казакам, это правда, но только попробуй я не исполнить какого-либо предписания участкового начальника, как он и упрячет меня туда, где и Макар телят не пас, или придет в станицу карательный отряд...

Станичный сбор в это воскресенье был многочисленнее, чем обыкновенно. Всем хотелось послушать, что будут говорить прибывшие с фронта казаки.

Седовласые старики, инвалиды и раненые фронтовики пришли тоже на сбор.

Как только станичный атаман открыл сбор, участковый начальник с-первых же слов заявил:

— Господа старики, к вам в станицу с фронта прибыли казаки дезертиры, они должны быть судимы военно-полевым судом. Я приехал, чтобы вы арестовали их и препроводили в город Майкоп.

— А кто будет арестовывать и препроводить, вы сами, г-н есаул? — раздался голос из толпы стариков.

— Нет, это вы должны арестовать и отправить. Я привез приказ атамана отрела об аресте, добавил участковый начальник, вынимая белый лист бумаги.

— Нет, г-н есаул, прежде, чем арестовывать, мы должны сами спросить их, почему они бросили фронт, и если узнаем, что они поступили не по-казачьи, тогда и позволим арестовать их, раздался голос старика Курбатова.

— Правильно, загутели остальные.

— Тогда я сейчас же начну дознание, начал было участковый начальник, бросив в руки ручку и подвигая к себе бумагу, как бы собираясь писать.

— Г-н есаул, раздался звонкий голос Джигита, снимать дознание, это дело не наше, все это будет потом, а сейчас разрешите командиром взвода прибывших казаков, уряднику Нагайцу рассказать старикам про живых свистетях его взвода о том, что творится на фронте и за что заставляют казаков воевать. Г-н атаман, разрешите говорить уряднику Нагайцу.

Получив разрешение, урядник Нагаец рассказал на сборе старикам все, что накануне вечером рассказал

Джигиту, добавив только, обращаясь к старикам:

— Г-да старики, вы сами знаете, что я при освобождении Кубани от красных был два раза ранен, а один раз очень тяжело на Дону, да и другие мои станичники, которые еще остались живы, ранены по нескольку раз. За что же нас называют дезертирами? А только скажу я вам, что нам, казакам, нет никакого смысла воевать за русских бар и их земли.

— Это ты правильно говоришь, раздалось снова голоса стариков, это ты верно, прямо по казачьи говоришь, начал вдруг седой 90 летний старик Кузьмин, не дело нам, казакам, воевать за Россию и ее панов. А вот, сынок, как же вы взяли на свою душу тяжкий грех арестовать Раду, собрание ваших отцов и дедов, которые были посланы, чтобы защищать казачью правду и право... Вы позволили повесить лучшего патриота, а других выслать в чужую землю. Как раз вот эти члены Рады и не хотели, чтобы лилась казачья кровь за землю русских бар, а хотели только, чтобы казаки защищали свои земли, свою родину...

— Г-да старики, снова начал Нагаец, видит Бог, нас тогда обманули. Мы думали, что идем на парад и только на другой день узнали о коварном злодействе казачьих офицеров, которые в угоду русским генералам совершили злое дело. С нами не было никого из наших офицеров, кто бы мог сказать правду и заранее объяснить, зачем нас привезли с фронта в Екатеринодар. Вот, наш станичник Джигит лежал в то время в лазарете, хорунжий Данилов, у которого отец в Раде, и который всегда делился с нами новостями, уехал в отпуск. Вот станичники не дадут соврать и подтвердят, что если бы с нами был кто-нибудь из наших офицеров и сказал бы нам правду и повел бы нас выручать Раду, так мы бы одной сотней перебили бы всех русских офицеров, а также сумели бы расправиться с палачами из казаков и гадпись «за измену казачеству» была бы прибита не на груди Кулабухова, а на груди генерала Филимонова. Теперь уже все казаки поняли, что Филимонов больше русский генерал, чем казачий атаман. По его вине льется широкой рекой казачья кровь на русской земле.

— То правда, подтвердил старик Кузьмин, пусть себе Атаман с русскими барями воюет за русские земли, а наши сыны и раньше геройски стояли за свои земли и теперь не откажутся. Правда, детки? Уже раз выгнали руссаков из казачьей земли, думаем и еще раз отстоим, если придут непрошенные гости.

Видя, что сбор всецело на стороне прибывших казаков, участковый начальник попытался еще раз приказать арестовать их, но атаман, ссылаясь на то, что у него в станице нет вооруженной силы, отказался.

Погорчившись еще и покричав на стариков, участковый начальник уехал, угрожая прислать карательный отряд для ареста.

— Плохо, братья, сказал атаман казакам по отъезде участкового начальника. Если придет карательный отряд, то не миновать вам аюеста.

— Не бойтесь, г-н атаман, ответит урядник Нагаец, завтра никого из нас не будет в станице.

Ночью урядник Нагаец и казаки соблались и на заре покинули станицу, уходя в горы. Теперь казаки уходили в горы не от русских красных, а от своих же казаков, которые, успокаивая себя мыслью, что исполняют долг службы, не понимали, что служат чуждому делу, а не интересам Казачества...

Уже ходили слухи, что в горах образуются отряды казаков «зачехен», поклявшихся бороться и освобождать от всяких пришельцев свою казачью родину.

Туда в горы к зеленым и ушел урядник Нагаец с казаками.

Весна приближалась быстрым темпом и также быстро начала откатываться казачья армия, руководимая белыми генералами.

Казаки поняли, что их Атаманы изменили своей присяге и предали их в руки бездарных русских генералов, стремившихся поскорее занять Москву и устлавших казачьими костями поля сражения на этом своем пути.

Поэтому казаки начали пользоваться всяким удобным случаем уйти на родину, чтобы прикрыть своей грудью своих родных и близких от надвигающейся красной опасности.

Мрачно было на душе Джигита. Видел он по сводкам, как отходит армия, знал он причину и не винил казаков. Слишком велика была казачья жертва, кровью и жизнью отважных рыцарей принесенная неблагодарной России.

Окончив обычные занятия в школе, Джигит возвращался и, пообедав, подолгу сидел в полисаднике, греясь на солнце.

Яркое, весеннее солнышко ласкало его своими теплыми лучами, но не могло согреть его боляную, страдающую душу и разогнать мрачные, безотрадные мысли.

Однажды сестра еще у ворот встретила его словами:

— Коля, у нас сегодня есть гость, какой-то есаул. Приехал к тебе и ждет в зале.

— Вот и хорошо, Маша, все вместе и пообедаем, ответил Джигит, поднимаясь на крыльцо в дом.

Открыв дверь в залу, он узнал в сидевшем на диване друга детства по школе, капитана Бориса Редина.

— А, здравствуй, Боб.

— Здравствуй, Коляшка, обменялись они приветствиями.

— Каким ветром занесло тебя в наши благодатные края, Боб?

— Я, брат, по делу к тебе и очень важному.

— О! воскликнул Джигит, что-нибудь страшное? Впрочем, мы сперва пообедаем, а за обедом ты мне расскажешь. Пойдем в столовую, там верно уже все готово. Маша, крикнул Джигит в соседнюю дверь, мы идем обедать, готово?

— Уже борщ на столе, идите, пока не остыл, раздалось в ответ.

За обедом Джигит узнав, что Борис приехал из ставки генерала Деникина, расспрашивал о фронте, о причинах отступления армии.

— Что-ж, Коляшка, поделаешь, если казаки не хотят воевать и уходят с фронта.

— Значит и там, в ставке главнокомандующего, вина казаков в крушении фронта, а своей вины не видят и не признают... Так, что-ли, Боб? оживленно прервал Джигит приехавшего.

— А что-ж ты думаешь, виноват главнокомандующий или кто-либо из генералов? Одни казаки виноваты и больше никто. Пока воевали, и фронт держался, а как стали они бросать фронт, красные стали нас побеждать, начал было горячо гость.

— Да нет, дорогой Боб, если бы ты видел, что представляют из себя наши станицы, ты бы не винил казаков. Наши станицы сейчас полны ранеными казаками, стариками, детьми и женщинами. Побеждают и преследуют вашу же армию не красные, а тени претельски убитых национальных казачьих героев Рябовола и Кулабухова. Кровь этих патриотов вопиет к небу о мщении. Впрочем, оставим этот разговор, прервал вдруг Джигит, видя, что гостю совсем не по душе его речи. Ты хотел говорить о лече. Маша, обратился он к сестре, мы сейчас перейдем в зал, а ты нам дашь тула чай. Хорошо?

— Идите, самовар уже закипает, я сейчас все приготовлю и принесу, ответила сестра.

Друзья юношества перешли в зал и расположились на диване. Наступило молчание. Джигит ждал,

что Боб начнет излагать свое дело. Боб же, после только что слышанных резких суждений Джигита по адресу белых генералов, не решался приступить к изложению своего шекотливого поручения.

Наконец, видя вопросительно-выжидающий взгляд Джигита, он прервал молчание:

— Видите, г-н сотник, я знаю, что вы и ваш брат пользуетесь большой известностью во всех горных станицах нашего отдела.

Вошла Маша, поставила перед собеседниками чай на стол и ушла снова продолжать свою работу.

— Вы знаете, что дела на фронте плохи, начал гость, едва дверь за сестрой Джигита закрылась. Армия отступает и где остановится, неизвестно. В ставке решено на территории, занимаемой красными, оставлять сеть своих организаций для скрытой борьбы с оккупантами и я приехал к вам, надеясь, что вы мне сможете указать в горных станицах надежных и развитых казаков, на которых бы можно было положиться. Я уже говорил с вашим братом, предлагая ему самому вступить в нашу организацию...

— И что-же, брат согласился? переспросил Джигит.

— Нет, не согласился и не дал никаких указаний относительно нужных казаков по станицам.

— И правильно поступил, подтвердил Джигит.

— Но ведь ваш брат учитель и никогда не был офицером, к вам же я обращаюсь, как к русскому офицеру.

— Знаете, что я вам скажу, г-н капитан, прежде всего я казак. До 1917 г. я был русским подданным и, как таковой, поневоле должен был служить в русской армии. После же того, как в 1917 г. Россия вступила на путь революции и анархии, мы, казаки, самоопределились и пошли своим историческим путем, опирающимся на волю казачьего народа. Вы же, русские генералы, офицеры, интеллигенция, аристократия и пр. и прочая, будучи отвергнуты и выброшены русским народом, нашли себе убежище в наших Краях. За наше гостеприимство вы заплатили черной неблагодарностью и вероломством. И вы все еще думаете, что казаки вам поверят и снова пойдут в ваши какие-то тайные организации? Напрасно надеетесь, слишком много зла причинили русские казакам и слишком часто и много раз обманывали нас, чтобы мы могли снова верить вам. Для меня же, как казака, спокойствие и безопасность казаков дороже всяких ваших интересов и тайных организаций.

— Значит, я ошибся в вас, разочарованно произнес гость.

— Да, г-н капитан, ответил Джигит.

Холодно расстались старые друзья по школе.

По мере приближения фронта к Кубани, все большее беспокойство охватывало душу Джигита. «Неужели придется снова покинуть родную станицу, опустевший отчий курень и дорогие могилы родных и близких?»

Желая рассеять всякую неопределенность, Джигит поехал в Майкоп и заглянул в управление отдела. Там он увидел полную растерянность. Ему даже не могли сказать, по какой линии тянется фронт большевиков.

В отделе укладывали и упаковывали бумаги и архивы. На вопрос Джигита, можно ли увидеть атамана отдела, адъютант ответил, что он болен...

— Плохой признак, подумал Джигит, лично хорошо знавший своего атамана отдела.

Заехал к брату. Брат и семья его с беспокойством спрашивали, что он намерен делать.

— Если армия пойдет да ты же, пойдешь ли ты вместе с армией? спрашивал брат. Я думаю, тебе опасно оставаться в станице. Во-первых, ты казачий офицер, во вторых, ты уже раз ушел из их плена и было бы абсурдом ожидать пощады от врагов, не признающих за каждым права на жизнь.

— Да, Петя, я это знаю, и уже решил, что остаться на милость победителей не могу, т. к. великодушнее им не знакомо.

— Да, брат, странно, что русским, как белым,

так и красным чужды чувства великодушия и благородства к своему противнику. Противоположность казакам, заметил Петр.

— В этой черте резко сказывается разница между казаками и русскими, что объясняется разницей происхождения. Ведь казаки ведут свое начало от вольных степных рыцарей, всегда боролись с насилием и защищали правду, и восприняли от своих предков их качества и заветы о вольной волюшке. Русскому же народу не знакомы эти качества души потому, что русский народ никогда не знал, что такое воля. Не зная сам свободы, он веками угнетал другие народы, культивируя рабство, произвол и невежество. Даже если бы я надеялся на возможность сохранить за собой место учителя у себя в станице, я бы не остался. Я казак и не могу служить у порабощенных. Покидать же родину пока не хочу и хочу, поэтому, уйти в горы к зеленым и бороться, пока жив. Как только Майкоп будет занят красными, знай, меня в станице не будет, поэтому простимся, брат, сейчас...

Простившись с братом и его семьей, Джигит уехал к себе в станицу. В станице он поручил казакам, дежурившим в станичном правлении, сообщить ему немедленно, как только они узнают, что управление отдела оставлено казаками.

Дома же он начал приводить в надлежащий порядок оружие и амуницию, готовясь к походу. Сестра чутьем угадала по сборам Джигита, к чему он готовится и молча готовила провизию и одежду, стараясь скрыть от брата непрошенные слезы.

На третий день утром, едва Джигит оделся, кто-то постучал в окно, выходящее на улицу. Открыв окно, Джигит увидел станичника, который, волнуясь, сказал:

— Г-н сотник, управление отдела перелано местной городской власти. Казаки из управления отдела и атаман отдела уехали по дороге в Туапсе. Говорили, что в том же направлении уходят все казачьи полки из Майкопа.

— Спасибо, дорогой, сказал Джигит и, открыв дверь в соседнюю комнату, спросил:

Маша, могу ли я позавтракать сейчас?

— Да, Коля, все готово, ответила сестра.

За завтраком Джигит хотел казаться веселым и болтал с сестрой. Но все выходило как-то неестественно...

Сестра не дотронулась до пищи и виля, что брат кончил, бросилась укладывать его походный вьюк. Послав коня, увязав во вьюк бурку и полушубок, Джигит вернулся в комнату проститься с сестрой и ее детьми. Сестра больше не могла сдержаться и, обхватив шею брата и прижавшись к его груди, зарыдала, обливаясь слезами.

— Перестань, Маша, чего ты плачешь? успокаивал сестру Джигит. Знаешь, родная, я может быть не скоро вернусь, так ты, если сможешь, дом и наше хозяйство сохранить и спасти от гостей, то пожайся им сама. Сейчас мне ничего не надо. Если же я совсем не вернусь, то все останется тебе, я теперь вольный казак.

Простившись с детьми и с трудом освободившись из объятий плачущей сестры, Джигит вывел коня за ворота и сел в седло. Сестра, уцепившись за луку, рыдала и не хотела уходить. Выбежавшие на улицу дети, видя мать плачущей, тоже ревели во весь голос. Склонившись с седла, Джигит поцеловал еще раз сестру и рысью отъехал от двора, направляясь к лесной дороге.

Приостановив лошадь на повороте улицы, он грустно еще раз посмотрел на плачущую сестру, а затем, повернув за угол, поспешил вдаль. Непрошенные слезы влажной пеленой слепили глаза...

Поднявшись в гору и выехав в войсковой лес, Джигит заехал на могилу Гали и ее отца. Долго сидел он на скамейке у могилы. Вихрем пронеслись в голове его мысли и образы прошлого, сменяя друг друга. «Гаяля, видишь ли ты мои муки? Подскажи мне, какой путь избрать? Итти ли за казаками, обманутыми изменниками атаманами, отказавшимися в угоду русским генералам от всего своего и предавшими Казачество, или остаться в станице и ждать прихода новых «хозяев»? Чувствую, Гаяля, что ты не одобришь ни первый, ни второй путь, да я и сам не могу. И на первом пути и на втором я должен связать свою судьбу с русскими. Остается третий, единственный путь: уйти к тем казакам, которые, видя предательство атаманов, которым они раньше доверчиво вручали свою судьбу, теперь покинули их и, не желая примириться с положением рабов у красных оккупантов, ушли в горы, чтобы защитить, если удастся свой дом и угол от поправших закон и забывших Бога... Если же не удастся защитить, то погибнуть с честью с оружием в руках на пороге своего дома... Гаяля, я выбрал этот путь и хочу упиться еще раз мстостью за поруганную мою родину, за оскверненные могилы наших отцов»...

Джигит так ушел в свои воспоминания и мысли, что ему казалось, что он чувствует присутствие возле себя горячо любимой девушки, доверчиво склонившейся к его груди и отвечающей на его вопросы взглядом своим, одобряя выбранный им путь.

Начавший ракрапывать дождик вернул Джигита к действительности и он, взяв горсть могильной земли, завязав ее в угол платка, поцеловал могильный крест и землю и медленно сел в седло...

(Продолжение следует).

Чужинец

Брожение на Дону в 1879 году

Революционное движение (русское) на Дону и в Приазовьи продолжало развиваться в 1878-89 г.г.; одновременно, все большее количество казачьей молодежи вовлекалось в российские политические движения. В прямой связи с Луганскими волнениями стоят арест братьев Соколовых в Новочеркасске, в июне 1878 г. Ив. Ив. и Петр Ив. Соколовы оба были казаки ст. Луганской, дворяне, оба — бывшие гимназисты Новочеркасской гимназии, оба — телеграфисты. Их обоих арестовали по доносу С. Апостолова из ст. Луганской, по обвинению в распространении запрещенных книг среди казаков. Кроме того, П. Соколов был еще по гимназии другом видного революционера А. Е. Сентянина. 9 мая 1879 г. дело братьев Соколовых было прекращено. Повидимому, их подвели под общую мелочу с луганскими «бунтовщиками».

Одним из харьковских землевладельцев, о которых вспоминал Плеханов, был — повидимому — студ.

Харьковск. ветеринарного института М. Новицкий, который работал сперва в качестве рабочего на Грушевских шахтах, а потом отправился по станицам, на разветку, пешком.¹⁾

Из местных уроженцев подверглись преследованию по политич. причинам следующие лица. В Олесе был арестован, за близость с революционером Ковальским, (оказавшим при аресте вооруженное сопротивление и за то повешенным), ветеринарный врач 7-го Лив. каз. полка П. Г. Соколов. 28 июня 1879 г. он был выслан в Восточн. Сибирь, где, в 1881 г. отказался понинести присягу имп. Александру III. за что его сыска была продолжена в административном порядке еще на 5 лет.

Слушательница Женских Врачебных Курсов Мария Павловна Литова (сестра известного в Черкасске педагога П. П. Литова) была в июне 1878 г. выслана из Пе-

¹⁾ «Кат. и Ссылка», 12 (1924 № 3), стр. 233.

тербурга в Новочеркасск, но затем 3-е Отделение уже в декабре, в виду «крайней ее политической неблагонадежности» препроводило ее в Вологодскую губернию. Дочь сотника Над. Ив. Болдырева, подвергавшаяся в Петербурге в мае 1876 г. обыску, была 29 ноября 1878 г., за именем у себя запрещенных книг, подвергнута строгому полицейскому надзору.

В ноябре 1878 г. студент Медико Хирургической Академии Мих. Вас. Сироткинъ (р. 1854) был за участие в студенческих беспорядках выслан на родину, в Новочеркасск, где он и был до 1881 г.

Участие казачьей молодежи в русском революционном движении и в интеллектуальной жизни вызывало удивление тех, кто считал казачество народом живописным, но... диким (sauvage). Издаваясь над утонченностью некоторых молодых Н. К. Михайловский вывел казака в своем романе, (от которого, впрочем, остался лишь набросок). Там был описан «матье Латош — европеец из донских казаков — пишет роман или лучше — вроде «миньютюр» или «каварелей»²⁾.

Между тем волнения среди казачества на Дону продолжали разрастаться, принимая форму бурных станичных сходов и пассивного сопротивления всем мероприятиям земства. Хоперский, Донецкий и Черкасский округа отказались от платежа земских повинностей и от выбора земских гласных. Летом 1879 г. Хоперский округ отправил к Наследнику, как Атаману всех казачьих Войск, своих «ходаков» с прошением об отмене земства. Сведения в легальных газетах о событиях на Дону были отрывочны и малопонятны. Поэтому только в нелегальной печати корреспонденты с Дона могли разъяснять с точностью смысл событий.

Автор письма «с Тихого Дона», напечатанного в органе социалистов-федералистов «Черный Передел»³⁾, пытается объяснить российской публике, что «Казачество приобрело непоколебимое убеждение, что его земля есть полная его собственность, добытая кровью его предков, что она свободна от всяких налогов и не может облагаться ими и что — с другой стороны — казаки своими услугами государству заслужили себе права и привилегии, что они люди свободные, не подлежащие никаким податям и повинностям и что служат царю и отечеству добровольно, по собственному своему согласию. «У мужика — говорят казаки, — земля царская, поэтому он и платит за нее подати, а у нас — казаков — своя собственная, да и служим мы царю по своей охоте, и за эту добровольную службу царь должен присылать нам свои грамоты, подтверждающие наши старые вольности казачьи»...

«Понятно, — пояснял корреспондент, — в какое противоречие с этими коренными взглядами казачества стали земские выборы и повинности, да и вообще самое существование земства. Кроме того глубокого убеждения, что, заставляя казаков платить налоги за землю, земство и правительство обращает их из вольных людей в мужиков, — обиднее чего для казака трудно выдумать, — казаки недовольны земством за то, что оно стесняет их свободу, вторгается в их внутреннюю хозяйственную жизнь. «Действительно, все свои хозяйственные потребности, как нап., пользование лесами, рыбными ловлями, постройка мостов, исправление дорог и пр., все это делается и решается самими казаками по их обоюдному (!) согласию. Вне своего станичного сбора они не признавали по этим вопросам никакой другой власти. А тут земство отбирает леса, размежевывает его на части, указывает, какой рубить, а какой не стечет, за пограву мотолога леса скопом берет штрафы с хозяина, платит большие суммы лесничим и надсмотрщикам»...

Положение о земских убеждениях 1864 г., предложенное для Дона в 1875 г. и вволившееся там с 1876 г., обитало лишь губернскими и уездными органами (на Дону это были Областное Земское Собрание с его административной комиссией — Областной

Земской Управой и окружные земские собрания с окружными земскими управами. Мелкой земской единицы — станичного земства — закон не предусматривал.

В России правительство не хотело всесловного земства. Оно разбило избирателей на «курии» по имущественному признаку; еще менее хотело оно подчинить поместное дворянство и уездных землевладельцев какой-либо власти волостного земства, где их голоса, конечно, подавлялись бы голосами крепостных рабов тех-же дворян. Да и представителям торгового капитала, завоевывавшего себе место в уездном землевладении, не охота была становиться в подчинение к крестьянству. Поэтому правительство было против мелкой земской единицы.

На Дону, где мелкое дворянство, офицеры и чиновники оставались прежде всего казаками, гражданами своей станицы, участвовали в сходах и от них зависели, дело обстояло совсем иначе. Но правительство и здесь не пожелало создать мелкой земской единицы (в станице) и здесь также ввело оно курии. А именно, в Областном Земском Собрании казаки (станичники) получили 127 мест против 134 мест для землевладельцев и торгового сословия и 40 мест представителям от сельских (крестьянских) обществ. Поэтому все, исходившее от земства, оказывалось приходившим сверху, от какого-то нового начальства, от учреждения в котором видную, если не исключительную, роль играют «господа», офицеры, старшины, дворяне; а граждане станицы не участвовали ни в обсуждении, ни в решении мер, даже касающихся этой самой станицы.

Между тем, после всех казачьих «реформ» Александра II, после уничтожения областной автономии, станичное самоуправление оставалось (даже и в урезанной) законом 1870 г. форме) единственным отголоском бывшего казачьего суверенитета, народоправства в их родном краю.

Автор статьи «Народная мотва» в нелегальной «Земле и Воле» № 3 (15 января 1879 г.), проезжавший в 1878 г. по Дону, отмечал классовое расслоение казачества и убеждение казачьей массы, что «самое земство есть выдумка бар и притом способ омуничения казаков.

«Что тут толкуют, — говорили рядовые казаки, — когда нам хорошо известно, что все эти земцы, живут на наши деньги: спроси любого, кто, например, был хоть X., занимающий теперь место мирового: промотавшийся в пух наш забулдыга, — офицер — не больше; а нешто неизвестно, чем были Б., С., Н., теперь получающие тысячные оклады! Да уж и не первина это, братец ты мой, — ловко тоже обшари нас помещики, захвативши в полную собственность десятки тысяч десятин войсковой земли; теперь они начинают обмежевывать наши леса, а скоро отберут и всю землю, оставив нам десятин по восьми на брата — не больше»⁴⁾.

Нетъзя отрицать в неуловочности казаков земством того элемента, что казаки обичались на дворянское засилье в земстве и по области, и по округам. Но не менее обидным казалась им и то, что наравне с ними отведено место в самоуправлении и крестьянам, негавним рабам, которых они продолжали презрительно звать «хамам», «панским», «мужичьими харями» и т. п., и не в ругательном смысле, а так, походя⁵⁾. К тому же казаков начинали беспокоить слухи о возможности всеобщего передела земель, причем они были бы отобраны и у казагов и почетны поровну между всем мужским населением России. Крестьяне соседних с Доном губерний и день даже особый приурочивали для такой операции («на осеннего Семена»⁶⁾).

В доказательство неизбежности грядущего передела крестьяне ссылались на фантастическую речь, которую — яко-бы — сказал Наследник на Круге, в

²⁾ Ф. Колосов. «К характеристике обществ. мировоззрения Н. К. Михайловского», «Голос Мин.» 1914, № 3, стр. 248.

³⁾ «Ч. П. № 1, 15 янв. 1903 г. перепеч. в книге «Черный Передел». 1922, стр. 169 и сл.

⁴⁾ Положение 13 мая 1870 г. об известном управлении в Казач. войсках.

⁵⁾ «Революц. журналистика 70-х гг.», стр. 266.

⁶⁾ Ср. «Юрич. Вестник», 1881, № 1, г. 95.

Уральске, осенью 1876 г.: «Служили вы, храброе уральское воинство, моим предкам... Ваша верная служба не забывалась: в награду вам отдан был Урал и множество земель со всеми угодьями. Это было уже давно; тогда вы охраняли границу России, которая теперь отодвинута несравненно дальше. Народу на Руси тогда было мало, и потому тогда такая награда была вполне справедлива. Но теперь времена совсем не те: граница России отодвинута в Сибирь, а народу в России расплодилось так много, что и земли то у нас с отцем не хватает для него. Поэтому мы порешили изменить старинные порядки, и прежде всего отобрать землю у бар, купцов, а также у вас, и у Донцов, и разделить ее поровну между всеми.

Круг Уральского Войска обозвал, будто-бы, Наследника «молокососом», так как «земля эта дана им на веки вечные». Тогда от царя вышел приказ: «сослать всех зчинщиков в Сибирь; остальным же было заявлено, что и им не миновать того-же, если не покораются воле царя». Так изголодавшиеся крестьяне толковали борьбу Уральских казаков за автономию и принятые против них правительством меры.

Главная причина, вызывавшая волнения донцов, заключалась в тоске по потере государственной независимости при Петре, в тоске по автономии, утерянной при Екатерине II и Николае I, в негодовании на попытку свести на нет станичное самоуправление. Казаки вдруг ощутили, что они не хозяева уже в родном краю, что пришел конец их свободе, хотя и ставшей призраком, от податей и повинностей; что распоряжение угодьями ускользает из их рук, а право на них подвергается не только сомнению, но и фактическому отчуждению.

Ходатайство пред Наследником об уничтожении земства не было уважено. Но в Новочеркаске образована была для рассмотрения вопросов, касающихся практического применения земских учреждений к Области Войска Донского. Но казаки стали отказываться выбирать депутатов в эту комиссию.

«Между тем, — писал корреспондент «Черного Передела», казая, видя, что их ходатайство не уважено, самым беспощадным образом вырубают леса. Рубят даже т. наз. заповедные рощи. Антагонизм между казаками и земством дошел до такого развития, что при всем недостатке и дороговизне леса, казаки жгут его целыми массами. «Если уж не нам, так пусть и земству не достанется!» — говорят казаки... в лесных станицах Хоперского, Донецкого и Усть-Медведицкого округов. Где-же нет леса, там главную роль играет земля и земские налоги... В иных местах встречаешь еще сохранившуюся веру в царя и убеждение, что земство введено без его ведома.

— Не хотим мы земства, — возражают здесь угорваривающему их земцу, или начальнику, — это наше начальство его выдумало, а царь про то не знает! Подай нам подлинную Ляксандрову руку, тогда мы поверим!..»

«Но в Хоперском округе, населенном преимущественно раскольниками, после неудавшейся посылки ходоков, таких восклицаний уже не услышишь. Там полное отчаяние, что прошли счастливые времена казачества, что им не на кого надеяться и что, если дорога им воля казачья, дорог Тихий Дон, то крепко должны они стоять друг за друга и общими усилиями противодействовать всем нововведениям, которые все имеют конечной целью обратить казаков в податных мужиков.

«Всякое изменение в Войске, будь то слух, что Миусский округ отойдет к предполагаемой Таганрогской губернии, будь то распоряжение об отобрании от казаков казенных ружей — все это служит для них новым подтверждением их подозрений, и самая ничтожная причина, или удачно пушенный слух, может поднять на ноги всю Область. Если же, — добавлял многозначительно корреспондент «Черного Передела», — если же принять во внимание, что казаки вооружены поголовно, то очевидно, насколько важен Дон в «революционном движении»...»

А. Петренко

Мысли к 10 декабря 1935 года

* * *

...«О, как длинен, бесконечно длинен путь божьего солнца в жаркий летний день. Высокая трава не шелохнется. Птицы не летают, а парят в синей вышине...

...«На западной стороне неба, которое только что упиралось на серо-зеленую грудь степи, вдруг выросли тяжелые грузные туги, будто огромная стена черного не проходящего леса. С тревожным плеском пролетела стая чибисов. В жуткой тишине вдруг зловеще прошумела трава, свивающаяся буранами от пробежавшего ветра.

«Яркий, слепящий день скоро превратился чуть-ли не в ночь. Шибанул и пробежал первый шквал. Второй, третий. Зашумел лес, зашуршала, прижимаясь к земле, высокая трава. Блеснула молния, на момент разорвав черную толщину туч. Треснуло небо. Обрушилось на землю всей грузной тяжестью туч. Четко шлепнулись первые капли. Новый блеск и под оглушительные раскаты грома — забарабанил град...

«Ливень выгнат из ям и берлог степных грызунов... На смерть перепуганные перепела, жаворонки, куропатки, дрофы прижались к гнездам, будто комья глины...

«А вола хлещет из черного неба, крутит вихрь, свистит ветер. Олна за другой, то сразу четым снопом бороздят степь молнии. Грохочет, рычит и бьет короткими разрывами гром. Вспыхнул высоким синим пламенем одинокий дуб.

...«Гроза также быстро прошла, как быстро и навалилась: Разом не стало туч. Заблестели звезды. Глухой поют грома уже где-то далеко-далеко на востоке. Шумит стекающая в балку вода...

...«Чуткая, таинственная ночь девственной степи. В недалеком гаю перекликаются сычи. Изредка доносятся подвывание волка. Прогогочут с просонья гуси. Заплачет филин... Ночь тихая и теплая. На небе ни одного облачка. Тысячи звезд льют свой робкий ласкающий свет на притихшую степь. Тонкорогий месяц показался над лиманом, а через небо протянулся слабый мутно-молочный штах. Притихшие камыши полны таинственных шорохов, всплесков, из их глубин слышится сонное воркотанье водяных птиц. Меланхолическое двутонное пение ночных кузнечиков иногда прорывается сладострастно-победным крекентаньем жабы или испуганным кулахтаньем болотной куропатки. В широкой заводи Бейсуга плещутся утки, лыски, норки; неслышно рассекают сонную воду царственные лебеди. Бечье цапли, опустив свои драгоценные перья, недвижно стоят в болоте под вербами. Булто дремлют или думают о чем-то очень важном. Время от времени весь этот ночной шорох, невнятный говор, тихое подсвистывание, все эти ночные неопределенные звуки, будто клином пробьет жуткий басовый гук болотного быка — выпи. Бесшумно пролетит сова, а ее огромная черная тень втиснет в воду целые стаи нырков, уток и куликов...

«Над степью тишина, которую не нарушают ни тяжелое хлюпанье паляющих на воду птиц, ни сонный гомон овец. Через четую восточную половину неба пролетела звезда. Погасла. За ней с лачекой тверди небесной срывается другая, третья... рассыпались, ярко блеснули и погасли. Темно-сивый туман

мало по малу побледнел, пробежал первый ветерок»...

* * *

Братья казаки! Что это и откуда? Не вызывают-ли эти строки воспоминаний о чем-то безмерно, неизгладимо дорогим и близком? Не переноситесь-ли вы мысленно в свои родные, необятные поля с их разнообразным пернатим царством?

Ведь это всем нам хорошо известная и не раз переживавшаяся нами на утраченной родине летняя гроза и ночь в степи, что так красочно и неподражимо описал наш казак Владимир Куртин в повести «Стара в степи». («В. К.» №№ 167--168-169).

У нас как-то в обычае, что на казачьих празднествах, вечеринках вспоминают о былых днях, чувству-

ют героические подвиги, отдают также дань и казачьим писателям, но преимущественно поэтам, стихотворения которых и декламируются. Но я не могу вспомнить ни одного каз. собрания (если оно не исключительно литературное), на котором читались-бы произведения в прозе. А чем хорошая проза хуже хороших стихов?

И если мы, чувствуя 10 декабря наш праздник, вспомним, наряду с казачьими поэтами, и казаков — творцов прозы, то этим мы отдадим им лишь должное. Это нужно сделать уж потому одному, что подающих надежды казаков-писателей не так уж много. Я прошу Владимира Андреевича простить мне «плагиат», сделанный мною исключительно из-за особой любви к описательной прозе, особенно если в ней дивно описывается моя родина.

Павел Поляков

Казачьи фельетоны ЮБИЛЕЙНОЕ

Когда люди справляют юбилей, годовщины и приذники, всегда им в головы этакое такое разное лезет:

Воспоминания, впечатления и прочее.

И мне нынче кое-что припомнилось.

Вышел это, восемь лет назад, журнал «Вольное Казачество».

Я — на Югославию представитель. Официальный. А неофициальный и главный указчик во всех делах — причисленный к генеральному штабу Соломахино-господин.

Я это марки леплю, журналы шлю, туды-сюды мотаюсь, а он — советы дает.

Но открыто не выступает. Ему это его стратегическая наука не позволяла.

Дело кипит. Народы русские ужасаются. Тарараму журнал наделал, хоть святых уноси.

И решили тогда терцы всему этому самостийному делу предел положить. Доклад открытый о Вольном Казачестве сделать и в нем, конечно, Россию восславить, а нас, самостийников, смешать с ... фу, черт, ну, словом... И устроили.

Президиум сидит. Ораторы выстроились — народ все сурьезный. Публика — самой рус братушка. Наприглашали неказаков, чтобы те запомнили, кто за них хлопчат и распинается. И после, при случае, по головке погладили бы или к ручке допустить. Позвали и меня. Показали скамейку. Сиди, говорят, и до тебя черед дойдет.

Я и сижу. А должен теперь по секрету признаться. Не думе я тогда в идее сижен был. Знал одно — а ну ее, Расею, под такую бабушку — и вся недолга. Это мои тезисы и догадательства быти. Не нравилась она мне и готово. Будя, говорю, не жалаем. Говоря по российски — нутром я к идее подходил.

А тут, на тебе! Доклад и прения.

И побег я к Соломахино. Михаил, говорю, Карпыч. Ты наш вождь и светило. Приходи на собрание, не вытай. Очин я, как есть. С'едят, черти, и на развод не оставят.

Улыбнулся он... Катай, говорит, поддержим...

Вот я и пошел. И сел. И сижу.

Первым, дай Бог ему здоровья, Бугановский выступил. А вторым, дай Бог ему царствие небесное, Топорков генерал.

Бугановский — тот по интеллигентному:

— Ермак, говорит, Сибирь царю преподнес... Дежнев — мыс Лежнев на карте нашеть... Замтепроходь, говорит, земчо насгрозь прошчи... Служить нам, не переслужит, таскать нарей, не перетаскать...

Вижу я — ихняя берет. Однако, молчу.

Кончил Бугановский, похлопали ему и бросили. Я — не хлопал. Воздержался.

Тут генерал Топорков как взвывается, как стукнет кулаком по столу, как распустит черкеску, за кинжал левой ручкой — цоп!.. И пошел крыть...

«Большевики, предатели, негодяи. Я знаю, что они деньги от большевиков получают».

Обомлел я. Сижу — духу не переведу. Вот те, думаю, попал в переделку. Разве думаю, может генерал брехат!?

И в тоске на руководителя своего глазами — шмыг!..

А он, родимый, привстал, согнулся, да на цыпочках к двери...

Р..р..ры..ый — и нету. Был да весь вышел.

Ну, думаю, поморать, видно, одному придется. Тут и генерал речь кончил. Сел, водицу пьет и за грудки сам себя хватает. От патриотизма затмение на него нашло. А председатель дай Бог здоровья, обращается ко мне да этак-с улюбочкой:

— Попросим, говорит, господина представителя журната, нашего уважаемого (ведь вот, чорт, вежливый!), Павла, говорит, Сергеевича. Может быть он нам чтонибудь скажет...

Встал я — деваться некуда.

Захожу за загородку.

А комната на две части поделена была загородкой в пояс вышины. На случай, если уважаемого оратора ктонибудь захочет по морде с'ездить.

Стал я, гляжу на публику и вспоминаю цитату из Священного писания:

«Не пещытьсь, станишники, что говорить будете — надоумит вас Господь в ответственный момент»...

Думаю это я, а сам в карман за трубкой лезу. Трубочка у меня старая привычка, еще в Крыму, когда Врангеля караулил, потягивать привык.

Лезу я за трубкой в карман, а сам на публику зрю. И умственно считаю.

Што ты, думаю, за навождение. Перечел еще раз. Без Бугановского и Топоркова казаков три человека. Набил я трубочку, закурил, подхожу к огородке поближе...

«Выньте трубку изо рта!»

Это мне кто-то из третьей шеренги пищит.

«Что ее, отвечаю, вынимать, потухнет трубочка зря... Но, межлу прочим, говорить-то не о чем мне злесь с вами. Зря рассусоливать. Потому — казаков не вижу. Вот если-бы господа устроители казачью аудиторию собрали, я бы потолкувал. А так — не перет кем выступать, говорю. Извините за откровенность»...

Господи, твоя воля! Чего тут начаться!..

— Он, кричат, аудиторию оскорбляет. Он большевик... Вешать таких надо...

Стою я и пальцем табачек приминаю. А за огордкой — светопредставление.

Однако, пошумели русичи и разошлись во свояси. А у меня на душе — сомнения.

Что, думаю за чорт, действительно ведь Ермак то Сибирь того... подарил. И Дежнев мыс нашел. Слабо, думаю, идея-то наша стоит...

После того «Путь Казачества» здорово серьчал.

Крыли меня. С трубкой, пишут, во рту выступает.

Говорили мне после, что это на меня дед Дувака написал. Не знаю. Может быть и так...

Так то, стащичники, мы с Соломахой Вольное Казачество восемь лет назад отстаивали.

Эй! С юбилеем вас, Михаил Карпыч!

И где это он, милага, запропастился?

Давно что-то его не слышать...

Думы и мысли

К БРАТЬЯМ КАЗАКАМ

Глубокоуважаемый станичник Редактор!

Давно я думаю о том, чтобы собрать к себе в Перон хоть скольконибудь казаков, проживающих в Бельгии, не состоящих еще в рядах Вольного Казачества, или самому побывать у них и познакомиться их хотя бы с выдержками из нескольких номеров (часть за 1933, часть за 1934 и часть за 1935 г.г.) нашего апостола Правды Казачьей, журнала «Вольное Казачество», познакомиться с тем, чего, быть может, они еще не знают, о чем не слышали, а если знали и слышали, то не должны забывать.

Общение мое с теми братьями казаками считаю совершенно необходимым, т. к. хочу внести в их истословившиеся казачьи души правду об историческом Казачьем прошлом и веру в правоту Вольноказачьего рационально о движения. Побеседовать с ними хотя бы так, чтобы приподнять их настроение и ободрить их все тем-же драгоценным источником из журнала «ВК».

Кстати, хочу сказать о «настроении». Мне однажды в Бельгии пришлось приглашать одного из казачьих братьев казаков на свой хуторской сбор, чтобы он свободно высказал там свое мнение о Казачьем вопросе, а он мне и ответил: «а зачем я туда пойду, затем только, чтобы все вам настроение портить!» Такой ответ меня не удивил. У этого казака я давно заметил способность того, чего он и сам не скрыл, — способность портить настроение среди живущих надеждою на светлое будущее. Не для того, конечно, я приглашал брата казака к себе на сбор, чтобы портить настроения, а для того, чтобы поддержать друг друга и потом стать еще сильнее. Откровенно говоря, для порчи настроения не требуется много ума. А вот если бы тот брат казака пришел бы к нам в нашу казачью семью с добрым казачьим сердцем и открытой казачьей душой, мы нашли бы общий язык и еще сильнее забилась бы наши сердца пламенной любовью к своему родному Казачеству. С своей стороны, мы бы сказали ему от души большое спасибо.

С добрым и чистым намерением я хочу поделиться сейчас с казаками тем, что у меня есть из духовной Казачьей пищи. Пользуясь журналом «ВК», я считаю святым долгом поделиться им и с братьями казаками, не состоящими еще в наших рядах. Имея такой духовный меч для борьбы за свое казачье будущее, я хотел бы, чтобы и они вооружились им, а вооружившись, смею и открыто стали-бы на свою казачью шлях-дороженьку и пошли бы защищать свои казачьи права.

Откровенно признаюсь, что мне, как уже не молодому казаку, заниматься такими вещами, как приобретение личных выгод, погоня за почестями, ставой и проч., не пристало, да и не занимает меня это.

Хочу напомнить о том, что многими и много уже сказано через журнал «ВК» нам, казакам, по какому пути мы должны идти и что мы должны защищать.

Теперь же скажу и я братьям казакам, что за 6 лет моего зчаючества с журналом «ВК», я не нашел и не заметил в нем какой либо и теги неправды или неясной политический мысли. Не нашли и не заметили того-же и наши противники. Нет такого мудреца, который прямо сказал-бы, что вот там-то в журнале есть ложь, вот там-то есть обман или вот там-то есть такое-то недоразумение. Сколько мне ни приходи-

лось сталкиваться с такими «мудрецами», они заранее отказывались быть защитниками чисто казачьих интересов. Одни из них вперед доверили свою судьбу русским людям, а другие заделались «ловчачами» и преспокойно занимаюся словоблудием. Они шутя, но с серьезным видом на лице, часто и много мелют своими языками то, чего здравомыслящий человек не может говорить. Они святую правду превращают в ложь, а ложь превращают в правду. И делают они это не стесняясь, мямлят свое взрослому и даже малым детям. Их уста всегда искажаются ложью и никогда не бывает признания, что они говорят это шутки ради. Не буду пока называть их имен и фамилий. Бог им будет судья. Такие факты мне в жизни приходится наблюдать. Тяжело и прискорбно переживать такие явления. Совсем не посвящается разговоров такими (последней категории) людьми судьбе наших мучеников в русской неволе.

Если слышны тем братьям казакам стоны и вопль страждущего Казачества «там», прошу не раздумывать много, а придти на помощь тем казакам, которые стали под Знамя Вольного Казачества и стремятся какой угодно ценой избежать от оксчательной гибели хотя бы еще тех, кто ждет избавления от кого угодно и откуда угодно.

Не в угоду русским людям мы должны жить и работать, а во имя святой правды и справедливости будем держаться свой к своему и защищать только наши казачьи, сейчас поруганные и оскверненные очаги. Страшнее и тяжелее горя нет, какъ видеть разоренный очаг.

Залог будущего нашего благополучия и счастья — в единении всего Казачества.

Если бы мне удалось побеседовать с теми казаками, к которым я сейчас обращаюсь, я бы им напомнил о том, что говорят нам, казакам, люди разных направлений, разных положений и даже разных национальностей. Они, проникая в глубь веков, говорят о Казачьем прошлом и тем заставляют и нас проснуться, а затем следовать своим путем, пока ни достигнем своей цели. Цель же наша — обрести и увидеть свою Обетованную Землю.

Узнавши истину горькой и страшной правды, узнав отношение русского народа к Казачеству в прошлом и теперь, они бы почувствовали к нему то, что чувствовать надлежит. Они и сами пришли бы к выводу: «Да довольно же верить чужим людям! Лучше поверить своему незнатному человеку, но честному казаку, делающему добро для своего Казачества, чем доверяться чужому знатному, но делающему для Казачества зло»...

Просьба моя к братьям казакам была-бы такая, чтобы после того, как они познают всю суть казачьей жизни в прошлом и настоящем, то прежде всего и больше всего позаботились бы об интересах Казачества, оставив русские интересы русским. Это будет и похвально и достойный пример подражания всякому любящему свою Родину.

Нам, казакам, нужно обрести свою Родину и бегать ее потом так, чтобы уже никогда Она не попала ни под чье владение. Знаем мы все, что многие русские эмигранты не ищут Родину, а они ищут власти. И згаем, как многие спечи них боятся разгрома русского большевизма. Нам-же, и наших родных, «там», ничуть это не страшит. Потому что, с разгро-

мом порабителів наших Казачьих земель, мы обрели свою Родину.

Навянное нам русским духом можно позабыть. Казак, пропитанный степным духом, не может воспринять русского духа. Казак не может совместить в себе два духа — казачий и русский, ибо они мирно в его теле жить не могут, все равно одно из них выживет другого. И таким образом, он уже будет тогда или казак чистой души, или русский.

Читая литературу чужих организаций вы ничего хорошего не найдете там такого, что бы говорило там казачьему уму и сердцу.

Некоторые русские организации селятся доказать легковерному и малодушному казаку, что их идеи и программы в совершенстве отвечают требованиям каждого эмигранта будь то: казак, украинец, грузин или другой национальности человек. Но казаки не должны забывать, что Идея Вольного Казачества родилась еще там, на своих родных Казачьих Землях, и эту идею каждому казаку следует свято блюсти и выполнять. Не то мы должны соблюдать, что чуждо казачьему духу, а то, что у нас есть своего.

Где были русские эмигранты со своими идеями, когда Казачество не восприняло на своих землях русской анархии? Казачество, не обращая внимания тогда на русскую эмиграцию в наших краях и не останавливаясь ни перед какими угрозами русских красных полчищ, взялось создавать и уже создало свои

некоторые государства и выработало свои конституции. Теперь чужие партии хотят загуманить разум кое у кого из казаков эмигрантов. Не должно быть этого! Вольноказачья идея и программа — вот наш казачий путь и наша казачья цель!

Вот и желал бы я теперь ознакомиться братьев казаков с теми документальными данными, которые у меня имеются под рукою, и просил бы их внимательно выслушать меня, а там, где они заметили бы какую либо недоговоренность или неясность — высказали бы свое твердое убеждение коротко и ясно.

Настоящим прошу отозваться братьев казаков в Бельгии, не состоящих в рядах Вольного Казачества. Если бы они пожелали побывать у меня в один из воскресных дней или праздников целой группой — митости прошу. Могу и я, по их желанию (чтобы не вводить их в расходы), прибыть к ним в указанное место и поделиться с ними драгоценным источником для казачьей души. Прошу только уведомить меня предварительно за несколько дней до времени нашей беседы.

Адресь мой:

M. Borovleff, Péronnes-lez-Binche, 25, rue des Liserons.

Воть этот мой призыв и прошу Вас, станичник Редактор, поместить хоть на самом краю обложки дорогого мне Вашего журнала «В. К.».

Ваш Н. Боровлев

Казачья эмиграция

В. К. в Чехословакии

ТРАУРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ ПАМЯТИ А. И. КУЛАБУХОВА В ПРАГЕ.

В воскресенье 17-го ноября в Праге-чешской вольными казаками было организовано траурное заседание, посвященное 15-й годовщине со дня трагической смерти казака-мученика **А. И. Кулабухова**.

Почетным председателем на собрании был бив. Председатель Кубанского Краевого Правительства, председатель Куб. Законодательной Рады и председатель заграничной Делегации Кубанской Краевой Рады проф. **Л. Л. Быч**. В президиум входили: председатель собрания **П. Л. Магаренко**, бив. член Кубанской Краевой и Законодательной Рад, казак станицы Должанской Куб. Каз. Войска, доктор медицины **В. С. Жук**, сотник **В. Т. Гонгарь**, войсковой старшина **Ф. В. Пухальский** и **К. К. Поляков**.

Перед столом президиума, на возвышении, помещался небольшой портрет покойного борца за казачьи идеалы **А. И. Кулабухова**.

Уютный зал был започтен посетителями-казаками разных Войск. Среди присутствующих, кроме того, были: б. министр иностранных дел Украины, известный ученый и общественный деятель проф. **Д. И. Дорошенко**, популярный политический и общественный деятель Грузии **Е. Ломатидзе**, редактор «Украинского Тыжнѣ», выходящего в Праге, **П. Згенко** и др.

Председатель собрания **П. Л. Магаренко** приглашает проф. **Л. Л. Быча** занять место почетного председателя. Первым говорит почетный председатель:

Високо-шановні пані і панове!

З доручення організаторів сьогоднішніх зборів відігнати нашу сирому жатібну акалемію.

Коли нам, козакам, трапляється збиратися до купи та згадувати про наше незламне минуле, про наших кращих людей, то звичайно збори наші не несуть веселого, радісного характеру, як це буває у народів, що осягли своїх національних ідеалів, що мають свою державу. Наші збори журні, оповиті смутком і печалю, бо згадуємо ми про наші кровоточащі рани, про поразки, про болочі нам втрати. Але в цих, хоч і журливих спогадах ми завжди знаходимо, ми звідти черпаємо стільки морально високих прикладів,

стільки героїзму й самопожертви, стільки відданості своєму народові й своїй країні, що не одчай та безнадійність опановують нашу душу, але, навпаки, в нашу душу вливається нова бадьорість, нова сила і незломна віра в остаточну нашу перемогу, бо правда по нашому боці. А правда кінець-кінцем переможе!

Чим далі ми відходимо від подій недавньої боротьби, тим виразніше, яскравіше, ретельніше встає перед нашими очима ціла картина тієї боротьби. Це й зрозуміло. Бо ж кожний з нас, учасників боротьби, стояв на одведеному йому посту, бачив тільки свій сектор поля бою і тому, може, короті озоро судив про ризмахи і велич подій. Нині назбирано й опубліковано стільки матеріалів про події 1917-1920 рр., що ознайомлюючись з ними, ми наче піднімаємося на високу-високу гору, з вершка якої й можемо бачити правдивий образ подій того часу. Два з половиною роки титанічної, можемо сміливо сказати — титанічної боротьби трьох-мільйонного лицарського козацтва за свою свободу й незалежність проти більш як 100-мільйонної маси, що сунула з півночі, що силою зброї хотіла нав'язати козацтву неприродні, непридатні йому принципи соціального й економічного ладу, а разом з тим забрати хліб та інші козачі дбара.

В боротьбі цій Козацтво мало союзника але він був може не кращий за ворога, бо вносив в ряди нашої заколот, свари, незгоди, перекручував саму ідею боротьби козацтва за свободу, а в найбільш рішучий момент встромив ножа в козацьку спину, напавши на хазяїна Землі Кубанської — на Кубанську Раду.

На тлі, на фоні цієї боротьби, що взяла від Козацтва багато й багато тисяч жертв, виділяється ціла гатерея козацьких політичних борців, що склали свої голви за козацьку волю й самостійність: Караулов, Волошинов, Митрофан Богаєвський, Баадж; що впади від руки червоної, Рябовол, Кулабухов — від руки чорної, що її незвірно именують білою.

За незвичайно трагічних обставин віддав своє життя за Кубань той, чію пам'ять ми збиралися сьогодні вшанувати. Постає, фігура **Ол. Ів. Кулабухова**, така скромна за життя, як це звичайно й буває з правдивими героями, теж зростає печеч намі в міру того, як ми відходимо від подій. З різних сторін вона починає освітлюватися в історичній перспективі дякуючи спогадам і відомостям, що подаються про нього

тими, хто знав його персонально, хто з ним співпрацював, та дякуючи й документальним данам, цим безстороннім свідкам життя й чинності Ол. Ів. Кулабухова. Ця постаць втрає в правдивого мученика-героя. Пам'ять його мусимо зберегти на вічні часи.

Вічна йому пам'ять! Вічна слава!

С глибоким вниманием, не пропускаючи ни одного слова, собравшиєся выслушали эти слова. В конце речи проф. Л. Л. Ыча все, как один, встали; невыразимая скорбь на лицах; головы склонились; минута молчания...

Далее с прекрасной, образной, глубоко продуманной и очень содержательной речью выступил талантливый казачий поэт **К. К. Поляков**:

«Мы устанавливаем сегодня 16-летие со дня смерти А. И. Кулабухова, смерти страшной, жестокой, внешне унизительной... Но, во имя Родины нет унизительной смерти! Всякая смерть за идею и Отечество есть великий подвиг...»

20-го ноября в г. Егатинодаре русскими генералами, при помощи предателей **Казачьего Народа**, был повешен А. И. Кулабухов — бывший министр внутренних дел Кубанского Правительства, член Кубанских Краевой и Законодательной Рад и Заграничной делегации... Судя по многочисленным постам, которые он занимал, мы можем сказать, что он был избранником народа в полном смысле этого слова. Облеченный доверием своих выборщиков, он был достойным и честным носителем их казачьей воли...

...И в тот момент, когда не стало Кулабухова, белые генералы стали преступниками и убийцами, потому что они, придя в чужой дом, убили хозяина его так отплатив казакам за гостеприимство и за спасение жизни, которой угрожает опасность со стороны их собственного народа... В данном случае сухи и невыразительны всякие слова... Стишком черна и кровава эта страница казачьей истории»...

Далее К. К. Поляков бичующими словами изображает страшную картину предательства казачьих интеллигентов со стороны некоторых выборных представителей «верхов» Казачества. Потом он говорит об ошибках, допущенных самим Казачеством и его вождями после февральского переворота в 1917 г.

«Они делят эти ошибки, искренно заблуждаясь, и, как честные люди, сознав их, ушли из жизни, кончив ее самоубийством. Так поступит честный и прямой казак — наш Донской Атаман А. М. Катедин. М. П. Богаевский сознался в ошибках в четырехчасовой речи перед Голубовским казачьим гарнизоном в г. Новочеркасске. Это он сказал тогда, что самая большая ошибка Казачества была (в начале революции) в том, что оно не пошло по линии по историческому пути борцов за казачью свободу. После этой речи, казаки отказались выдать его революционному комитету в Ростове»...

Потом оратор напомнил о том, что Донской Атаман ген. Катедин, не разрешив казачьим полкам в 1917 г. возвратиться с фронта на Дон, допустил большую ошибку. «Если бы это (возвращение полков с фронта) было сделано своевременно, может быть и не было бы этих последствий, не должен был бы стреляться А. М. Катедин, не расстреляли бы русские А. М. Назарова, М. П. Богаевского, не убили бы Н. С. Рябова и наконец, не убили бы того, о ком мы сегодня с признательностью говорим здесь, не убили бы белые генералы А. И. Кулабухова»...

Весьма красочно говорит оратор о борьбе детей Чернецова, Семилетова и Назарова за Казачество... Потом вспоминал об ужасной роли ген. Фитимонова и ген. В. Науменка в деле гибели А. И. Кулабухова...

«Прекрасные, поэтические, слова сказал писатель, живущий по ту сторону рубежа: ...«родная, нежелезистой казачьей грозной политае земля»... Да, не ржавеет казачья кровь, кровь мучеников за казачью идею. Громко взывает она к нам, зовет нас на борьбу за казачью правду... Без стона, молча умер на московской плахе С. Т. Разин, но кровь его говорит до сих пор и будет говорить нашими устами, нашими действиями до тех пор, пока не наступит час Освобождения...
...И кровь Кулабухова говорит... Где то в темном

дереулке болгарского городка бесславно кончил свою жизнь один из его убийц — ген. Покровский. Нет Врангеля. Существует, в полном смысле слова, Денилин... А в эти дни по всем странам мира, где рассеяны казаки, в храмах, перед Еолом, склоненные казачьи головы будут думать о нем, о том, кто умер за них. Но мне думается, что никакими, хотя-бы самыми прекрасными словами, мы не сможем отблагодарить А. И. Кулабухова за ту его великую жертву, которую он принес для нас. Только живым делом, за осуществление которого он умер, мы сможем успокоить его. И там, проложив путь на Родину, на ту самую площадь, где в муках умер он, пусть твердая казачья рука ясно напишет: «Площадь А. И. Кулабухова». Пусть новые казачьи поколения знают тех, которые умирали за то, чтобы они жили», заканчивает К. К. Поляков...

В присутствованных словах говорил об А. И. Кулабухове и председатель собрания **П. Л. Макаренко**. Оратор остановился на великих жертвах всего Казачества, понесенных в борьбе за свою Землю, за свою Волю и за Волю других, поработенных Россией, народов. В заключение своей речи П. Макаренко предложил почтить вставанием всех казаков и казачек, умерших в борьбе за Казачьи Идеалы.

И снова присутствующие встают. На глазах многих блестят слезы... Невидимыми нитями связываются присутствующие со своими Родными Землями...

(Соб. кор.)

В. К. в Германии

РАСТУТ РЯДЫ ВК

Уже давно казаки, проживающие в г. Цербсте (Германия) и его окрестностях обратили внимание на ВК движение. Этому способствовал атаман Ермаковской станицы в Ганновере станичник **Лосев**, который прислал нам письма и журналы «ВК». То, что говорилось в журнале, вполне отвечало нашим мыслям и мы порешили на 17 ноября с. г. пригласить к себе для собеседования станичника Лосева, который, когда собрались все казаки, рассказал нам все подробно о ВК движении. Он объяснил, что такое Вольное Казачество, к чему оно стремится, как оно организовано, и т. д.

Выслушав все, мы решили организовать в. к. хутор имени атамана Степана Разина. Когда все было согласны на организацию хутора, тогда приступили к выбору правления. Хуторским атаманом избран **Г. В. Мождогин**, его помощником (он же писарь и казначей) **М. Мажегин**. Членами ревизионной комиссии: **П. Соснов, А. Самолин и А. Шпотко**.

Организовавшись в хутор, мы подаем свой голос всем казакам, что пора уже вам поднять свои головы и посмотреть — и вокруг себя и взглянуть в ту сторону, где в неволе находится наша Отчизна. Уже пора подать свой голос в защиту Родного Края от поработителей, того Края, где Степан Разин, Ермак Тимофеевич и др. Атаманы растили Волю.

Потом сбор ВК хутора имени Степана Разина в г. Цербсте постановил:

1. Открыто вступить в ряды ВК.
2. Просить атамана станицы Ермаковской в Ганновере засчитать наш хутор в Ермаковскую станцию.
3. Честно и точно выполнять программу ВК и свято чтить его идею и всю жизнь свою посвятить служению Казаккии.
4. Признать избранного вольными казаками Походного Атамана ВК природного казака Кубанского казачьего Войска ижн. **И. А. Еилого** и выразить ему глубокую благодарность за понесенные им труды на благо ВК.

Обращаемся с сердечным приветствием к Походному Атаману, оруженным атаманам, станичным, хуторским и куренным атаманам и всем вольным казакам. Да здравствует Казаккиа! Става Казачеству!

Хуторской атаман **Г. В. Мордовин**, помощник **Мажегин**. Члены хутора: **П. Соснов, А. Самолин, А. Шпотко, А. Дурников, Сафонов, Д. Орлов, А. Филатов**.



ВК ХУТОР ИМЕНИ С. РАЗИНА В ЦЕРБСТЕ

Справа налево сидят: хуторской атаман Мордовин, атаман Ганнов, атаманы Лосев и помощник хуторского атамана Мажелин.

В. К. в Болгарии

ВОЛЬНЫЕ КАЗАКИ В ЛОМЕ

14 ноября с. г., по приглашению казаков станицы Ломской, я приехал к ним с целью ознакомиться на месте с положением дела.

Несмотря на то, что был будничным, рабочий день и что все казаки были заняты работой в порту, таская на плечах тяжелый груз, узнав о моем приезде — пришли вечером, забыв усталость, побеседовать по казачьему вопросу, поделиться своими мнениями.

Ведь чего только нет в их станице? Там и воззвания, и письма, и копии писем, рассылаемых окружным правлением. В продолжении нескольких часов беседы многое было разобрано, как говорится, по ниткам. Честь и хвала казакам Ломской станицы, что на все это они смотрят трезво и знают цену всем этим воззваниям и копиям. Холодным рассудком узнают они, где правда. Единственное их желание — прекратить всю эту распрю. По их мысли следует созвать съезд, на который должны быть приглашены все в казачьи организации в Болгарии.

До созыва такого съезда в казаки Ломской станицы считают себя в подчинении Парижского Центра, и не дают своего голоса оппозиции.

Нужно сказать, что эта станица была первой в Болгарии, кликнувшей клич: «Все под Вольно-Казачье знамя!». К ее голосу начали прислушиваться казаки и стали возникать вольно-казачьи группы, хутора и станицы. Станица сумела сохранить прежнюю твердость и до сегодня, не поддаваясь никакой агитации, преследующей разрушение крепких рядов станицы.

Пусть же вольные казаки в Болгарии и теперь прислушиваются к голосу этой станицы и ее призыву и все скажут:

«Довольно раздоров! Все ищите и творите доброе для блага Казачества! Сохраняйте свои силы для будущего!».

Слава Казачеству!

Н. Ковалев

В. К. во Франции

В ПАРИЖЕ

В воскресенье 1 декабря с. г. Парижская В. К. имени А. И. Кулабухова станица устроила открытое собрание, на котором Походный Атаман ВК сделал доклад на тему: Внешняя политика Дона и Ку-

бани в 1917-1920 годах и задачи внешней политики Казачества в настоящее время.

Доклад, построенный на документальных данных, привлек довольно много казаков и не членов станицы.

После доклада присутствовавшие стали задавать докладчику вопросы.

Грузин Абуладзе спрашивает, как относится Вольное Казачество к Кавказской конфедерации?

Походный Атаман отвечает: Весьма просто: установление дружественных отношений между казаками и кавказцами. В прошлом у нас были плохие отношения, но виною тому были и мы, и кавказцы. В будущем отношения могут быть хорошими, т. к. никаких спорных вопросов, которых нельзя было бы разрешить миром, нет. Единственный спорный вопрос это взаимоотношения терских казаков и горцев, но и этот вопрос при доброй воле будет разрешен благополучно. Не нужно ждать, пока мы будем самостоятельными, а нужно теперь уже договориться, чтобы события не застали нас снова не подготовленными...

Спрашивавший заявляет, что ответ его вполне удовлетворил.

Станичник Золотухин, видимо, не понявший о каких кавказцах идет речь, заявляет, что он не согласен давать такие то федерации кавказцам.

Докладчик объясняет, что вопрос идет о кавказских народах, которые не спрашивают разрешения у нас на свою федерацию, а спрашивают о нашем отношении к их федерации.

Станичник Карчанов говорит: вот из доклада я узнал, что Л. Л. Быч делал попытку разговаривать с большевиками. Очевидно, свое решение он принял без ведома правительства. Но, не связан ли этот его поступок с последующей работой генерала Болховитнинова, который, как известно, работал на пользу большевиков?

Докладчик отвечает, что вероятно Л. Л. Быч принял это решение самостоятельно. Как в докладе, так повторю и еще раз, что мне не известно содержание письма, как не известен и адресат его. Но я знаю, что в том письме было требование — отозвать все советские войска с территории Кубани и что только при этом условии можно будет разговаривать о мире.

— А вы подписали бы мир? спрашивает с места ст. Карчанов.

— Да, отвечает докладчик, если бы большевики увели сейчас все свои войска с казачьей территории и оставили нас в покое, я бы подписал с ними мир.

— Но после они все равно наложили бы руку на нас, как натожили на Грузию.

— Пример Грузии не может служить для нас при-

мером, отвечает докладчик. Если бы Казачество тогда добилося м.р., пожило бы самостоятельной жизнью в мирной обстановке, отдохнуло бы от войны, оправилось бы в хозяйственном отношении, то уверяю вас, что над ним проделать то, что было проделано над Грузией, было бы невозможно. Ведь утомленное великой войной, плохо вооруженное, плохо одетое, руководимое часто чужими, питавшее материально свои «белые» армии, оно все же боролось два с половиною года... И не Казачество проиграло, а проиграла командовавшие им белые русские генералы...

Этот ответ несколько раз прерывался аплодисментами.

Станичник **Иович** спрашивает: Не смешивают ли тут ген. Болховитинова с ген. Букретовым? А дальше начинает поучение о том, чтобы казаки не смешивали Россию с 3-им интернационалом. Сейчас неизвестно, сколько там осталось казаков, т. к. на статистику нельзя положиться. Там теперь произошли сдвиги и казачий дух тамошнему молодому поколению чужд. Вы, самостийники, можете сговориться с Кавказом, Украиной, Сибирью и т. д., но с Россией с ее 150 миллионным населением вы не сговоритесь. Она просто разговаривать не станет, а сопротивления казаки не могут оказать. Разве какойнибудь вологодский мужик может согласиться, чтобы от России отпали такие богатые края, какими являются казачьи? Нам в первую голову нужно объединиться и... ждать. Мы должны быть непредрешенными.

Докладчик прежде всего заявляет, что станичник Иович, критикуя самостийников, не предлагает ничего своего реального для Казачества, не дает никакой программы. То объединение, к которому призывает ст. Иович, есть объединение вокруг пустого места. И если бы такое объединение состоялось, то в первом же испытании на прагматике, когда пришлось бы действовать, такое объединение развалилось бы. Сначала надо решить, зачем объединяться, а потом уже объединяться. Нельзя объединиться, а потом только спрашивать зачем же мы объединились. Оппонент указал, что мы, самостийники, можем сговориться с Кавказом, Украиной, Сибирью и т. д. но с 150 мил. Россией мы не сговоримся. Если мы сговоримся только с теми народами, которых перечислил ст. Иович, то будет Россия не 150 мил., а только 75...

Станичник **Карчанов** задает такие вопросы: Вот и мы казаки и вы казаки. Только вы самостийники, а мы русские казаки. Не известно, при каких условиях мы вернемся домой. Но, куда вы нас денете или куда мы вас денем? Мне кажется, что вся эта самостийность построена на иностранном песке? Все это работа над расчленением России, которая дала нам, казакам, больше всех (в зале смех и возгласы).

Мы говорим на русском языке, мы исповедуем одну религию с русскими, выросли на их культуре и отделяться просто невозможно.

— Ни язык, ни религия не являются связывающим звеном, отвечает докладчик. Язык не есть аргумент против самостийности. Франция говорит на французском языке, но на этом же языке говорят и швейцарцы, и бельгийцы. Вся Северная Америка говорит на английском языке. Все они выходцы из Англии, самые настоящие англичане, но они вели борьбу за свою самостоятельность против Англии. Казаки же могут доказать, что они происходят не от русских, а кроме того, не всё мы говорим по русски, мы виємо і балакати. Католическую религию исповедует много народов, но все они живут самостоятельно.

Конечно, мы, самостийники считаем не самостийников казаками, но сами же вы говорите, что вы — русский казак. Вопрос, куда мы вас денем? Это будет зависеть от того, что вы будете делать в момент борьбы за освобождение. В каком лагере вы будете во время борьбы, там вы останетесь и потом...

— Буду сидеть в Париже — говорит с места ст. Карчанов.

— Ну тогда, продолжает докладчик, мы может быть дадим вам визу...

— А мы вам не дадим, — опять с места говорит Карчанов.

— Я это очень хорошо знаю...

Абуладзе говорит, что он бежал «оттуда» в 1930 году и видел, как относятся русские к казакам и другим народам. Он говорит, что совершенно не согласен с утверждениями, что зло там делают только власти, а русский народ будто ни при чем. Там так не думают, там вещи называют своими именами. Он сам встречался с казаками, с молодыми казаками, которые уже отбывали воинскую повинность в красной армии, и все они в один голос говорят, что это Россия, русские довели до нищества казаков...

Берет слово опять ст. Карчанов и говорит о Трагедии Казачества, обе части которой он прочел. Но ведь это не только трагедия Казачества, но и трагедия России, русского народа. Вы посмотрите на эту трагедию внимательнее. Разве не трагедия, что даже в Женеве русских представляет Рубинштейн. Начиная с Екатерины II, все монархи были не русскими. При дворе не говорили по русски. Кто командовал русскими корпусами? Всегда люди с иностранными фамилиями. Нет, у нас с русскими общая трагедия. Вот и в советской России во главе стоит грузин Джугашвили.

— На Кавказе у нас он был бандитом, говорит с места грузин.

— Нет, продолжает Карчанов, если нам и делали зло когда либо, то русский народ тут не при чем.

Отвечая Карчанову, докладчик говорит, что «вы слишком много говорите от имени русских»... Говоря о том, что Россией правили не русские, вы немного ошиблись. Нужно брать не от Екатерины, а от Рюрика (зал аплодирует), который тоже был призван со стороны. Конечно, завидовать нечему. Но наша задача — только наша трагедия. Говоря о русской трагедии, вы, русские казаки, выносите суровый приговор прежде всего самим себе... Пусть же русские сами справляются со своей трагедией, а нам, казакам, дал бы Бог сил справиться со своей... (Аплодисменты).

Итак, против самостийности высказались только двое. Подавляющее большинство аудитория (присутствовало около 50 человек) было на стороне самостийности с докладчиком.

Е. Я.

ПОХОДНЫЙ АТАМАН В ОШЕ

10-го ноября с. г. по приглашению В. К. станицы, в гор. Ош прибыл Походный Атаман ВК инж. И. А. **Билый**. Из Тулузы Атамана сопровождали члены Тулузской ВК станицы: под'есаул **Шепель** и каз. **Ив. Хрипушин**.

В 10 час. утра автобус прибыл в Ош; у знакомого кафе уже собралась группа казаков ожидавших приезда того, кому в. к. вручили свою судьбу — свою казачью жизнь.

Станичное правление встретило Пох. Атамана и, обменявшись приветствиями, ат. ст. **Ильинов** доложил, что сбор назначен на час дня и пригласил Пох. Атамана и гостей из Тулузы в ресторан, где был приготовлен завтрак. После короткой беседы, станичное правление предложило Атаману осмотреть Ош и посетить знаменитый своей архитектурой и богатыми украшениями тысячелетний католический собор.

После осмотра города, станичный атаман приглашает Пох. Атамана в ресторан, где в честь его был устроен банкет. При входе в ресторан Атамана встречают хлебом солью. В помещении ст. атамана подает команду: казаки, встать, смирно!

Поздоровавшись и пожав каждому руку, Атаман и казаки сели за стол. Были и украинцы.

Наполнив чаши, станичный атаман, обращаясь к казакам, говорит, что сегодня наша станица имеет счастье приветствовать в своей среде дорогого гостя, нашего Поход. Атамана, избранного волею казачьего народа и от имени Ошской станицы выражает ему глубокую благодарность за отзывчивость на приглашение. Подымая бокал вина, ст. Ильинов предлагает выпить за з'оровье нашего батька Атамана и славу Казачеству! Казаки дружно подхватывают: слава!.. слава!.. слава Атаману!..

Пох. Атаман в своем кратком, спокойном, но твердо сказанном слове выразил благодарность станичному атаману и всем станичникам за радушный прием, какой оказала ему Ошская станица, и сказал, что «приехал посмотреть вас, лично познакомиться, чтобы знать наши силы, знать, на кого можно опереться, и, одновременно, показать вам себя, чтобы и вы знали, за кем идее, а если будет суждено и пробьет час 12-й, а он пробьет, чтобы я мог призвать вас для осуществления и достижения нашей общей цели — возрождения Казачества и создания независимого Казачьего Государства — Казакии. В свою очередь, я подымаю бокал за членов Ошской станицы, за их сплоченность, за их непоколебимую веру в свое казачье дело...»

Во время общих разговоров некоторые казаки испрашивали совета, другие задавали вопросы на разные темы, более всего нас волнующие: что да как? да когда же? сможем ли еще увидеть свои милые семейства и родные курени?.. Получив ответы на заданные вопросы, казаки наградили Атамана дружными аплодисментами и криками: слава нашему Атаману!..

Провозглашались тосты за стойких, верных и энергичных Окружных атаманов: Ленинова и Полякова, за наших союзников: Украинцев, Кавказцев и др.

Пелись казачьи и украинский гимны. Не обошлось и без казачьих песен.

Разошлась казачья душа в своем казачьем кругу, пели и веселились. Не забыли рассказать Атаману и про свой станичный охотничий кружок — про свою охоту. И в общем разговоре позабыли, что нужно расходиться...

— Да как-же расходиться, говорили казаки, ведь такие радостные дни редко случаются в казачьей жизни... Ведь мы, простые казаки, не устаивались чести разговаривать ни с бывшими ни с настоящими Войск. Атаманами, ставленниками Московии. Эти Московские слуги с нами, казаками, не разговаривали, с нами не считались, а когда нужно было угодить Московскому Богу, приказывали, а мы только исполняли...

Но, как казаки не старались задержать батька Атамана до утра, не могли этого сделать, т. к. того же дня вечером необходимо было вернуться в Тулузу, чтобы успеть на Парижский поезд.

Прощаясь с казаками, Атаман пожелал им сил и здоровья, больше энергии и веры в наше национальное возрождение. А казаки, пожелав ему счастливого пути, с криками — слава Атаману! — подхватили на руки и вынесли к выходным дверям и весь сбор, в числе 23 человек, проводил своего Атамана до автобуса.

Ив. Хрилушин

ПРАЗДНИК ПОКРОВА В ЮЖИНЕ

По тем же причинам, как и другие в. к. организации, Южинская в. к. станица праздновала праздник Покрова в воскресенье.

Утром в С. Николаевской православной церкви был отслужен Небесной Погровителнице благодарственный молебен о здравии и многоетни Походного Атамана, его сотрудников и всех вольных казаков. Днем вольные казаки собрались в квартире станичного атамана **К. У. Грошева**, где стараниями хозяйки была приготовлена скромная закуска.

Приступая к трапезе станичный атаман приветствовал всех казаков с праздничном и предложил тост за Походного Атамана, его сотрудников и окружного атамана. Дальше станичный атаман подробно говорил о казачьем празднике Покрова Пресвятыя Богородицы. Говорит и о том, как русское правительство много раз меняло казачий праздник и последним казенным постановлением считается 5 октября — день тезоименитства цесаревича Алексея. Тут же он указал и на причины, побуждавшие русское правительство к этому решению.

Дальше он говорит о борьбе Казачества за свои вольности, за право жить по своему, за свой родимый Край и рисует последний период борьбы 1918-1920 г.г.

со своими врагами — внешними и внутренними. Сколько казачьей невинной крови пролито в этой борьбе, сколько казаков постреляно, повешено только за то, что они боролись за свой порог и угол, за вольно-казачью жизнь. В заключение станичный атаман предлагает почтить память павших в борьбе вставанием и минутным молчанием.

После этого были спеты казачьи гимны — Донской и Кубанский. По окончании пения был поднят бокал за наши родные Края и всех казаков, которые живут под гнетом красных палачей...

Большую радость доставили казакам наши дети. Четырехлетняя **Надежда Грошева** декламировала стихотворения — «Наши врагам» В. Седова, «Переключайка» и «Мой Край» Томаревского. Нечего и говорить, что маленькая казачка была награждена дружными аплодисментами.

Запели плясовую песню и десятилетний **Степан Кравцов** так отбил казачку, что не всякий и взрослый может так показать свое искусство.

Пением казачьих песен закончили мы свой праздник.

Станичный писарь **С. Разливаев**

В. К. в Югославии

НОВЫЙ САД

Всеказачий праздник Покрова Пресвятыя Богородицы Новосадская вольно-каз. имени 5. чели.и станица праздновала накануне, т. е. 13 октября.

К этому дню на моиле умершего в прошлом году в казака **И. Ф. Попова** был закончен памятник, построенный на добровольные пожертвования, собранные среди казаков и переданные вдовой умершего, полученные ею на похороны мужа от державной комиссии.

Памятник вышиною в два метра и оградой для цветов построен под гранит из же.езобетона, причем крест сделан с вкрапленным настоящим перламутром и дающий ночью сиянье, а днем блеск.

Такой памятник сделан заботами станичного атамана **П. Недбаевского** и личным трудом помощника атамана **Г. Голсбородько**, станичного писаря **М. Белоловова** и доверенного **В. Санжаровца**.

Эти три мастера, никогда не видевшие как производятся работы с железобетоном, сделали памятник так искусно, что местные специалисты таких работ были поражены их умению и оценили его около трех тысяч динар, уплочено же за материал и надпись золотом всего 412 динар.

Установку памятника делали, кроме упомянутых мастеров, еще доверенный **А. Пыль** и станичник **И. Кисиль**. Работа производилась целый воскресный день с перерывами на обед, который добровольно принесли станичники **А. Межевикин** и **Л. Власов**.

Появление памятника породило среди русских казачков зависть, последствием чего было много всяких толков.

После полудня памятник был освящен и там же была отслужена панихида за упокой душ похороненного станичника и всех тех казаков, которые жизнь свою отдали за самостоятельность и славу казачью.

После службы памятник был сфотографирован. Вечером в казаки с семьями собрались в кафане, где и отпраздновали свой казачий национальный праздник.

Находясь неоднократно среди Новосадских вольных казаков, мое сердце радовалось их скромности, связанной с самодисциплиной, а также твердому и разумному решению разных вопросов жизни и легкости, с которой они разбираются в международной политической обстановке.

Ясное понимание вольно-казачьей идеи спаяло членов этой станицы в одну твердую духом семью, чему примером служит сделанный ими памятник умершему станичнику.

Можно с уверенностью сказать, что если судьба возложила на казаков националистов обязанность по

освобождению казачьих земель от русских оккупантов, то Новосадские станичники, став в первые ряды вольных казаков, сумеют очистить свои родные края от мусора и превратить их в культурнейшее и богатейшее государство — Казакию.

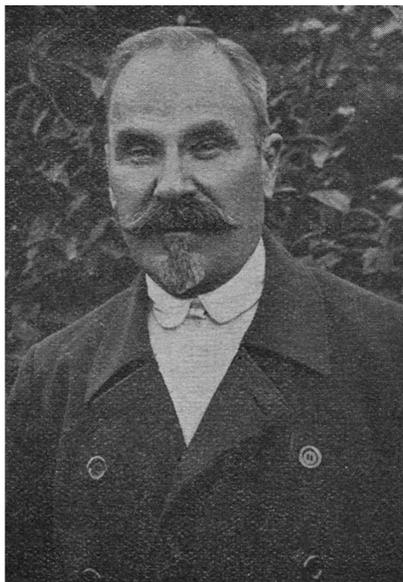
Слава вам, дорогие станичники.

(Соб. кор.)

† К. Я. ТИТОВ

После тяжелой и продолжительной болезни 18 ноября с. г. в 3 часа утра в Державной больнице скончался атаман Чуругского ВК имени Атамана Каледина хутора — **Кондратий Яковлевич Титов** (бывший атаман Луковской станицы).

Покойный пролежал в больнице 40 дней. Исследо-



† К. Я. Титов

ДЕТСКАЯ СТРАНИЦА

СО ЗВЕЗДОЮ

За три недели до святков, во время урока Закона Божьего наша компания в семь человек заявила о Павлу:

— Батюшка, мы желаем на Рождество ходить со звездой.

— Хорошее дело. Идите и славьте Младенца-Христа. Вы уподобитесь и восточным мудрецам, искавшим Спасителя, и ангелам, славившим Его рождение, и пастырям, приходившим поклониться Ему. Идите и славьте, но только пойте с благоговением. Заходите и ко мне. А звезда готова?

— Будем делать, но сперва спросили у вас.

— Хорошо, очень хорошо, что спросили. Идите...

С этого дня по вечерам мы усердно трудились над устройством звезды: к старому решету приделали шесть рогов из прутьев, оклеили их разноцветной бумагой, а в центре поместили икону Рождества Христова. Звезда вышла чудесная.

Пение тоже шло своим порядком. Пели мы на три голоса: первые и вторые дисканты и аьты. Разучивались тропарь «Рождество Твое, Христе Боже Наш», кондак «Лева днесь» и колядки.

В школе все смотрели на нас с завистью, а мы чувствовали себя героями. Но, к нашей досаде, время до праздников тянулось очень медленно. Каждый вечер мы считали оставшиеся дни: шесть, пять, четыре.

вания врачей показали, что он страдал болезнью главных органов: сердца, почек и печени; кроме этого — водянка — отек полости живота и ног.

Похоронен К. Я. Титов 19 ноября на православном кладбище — участок (парцела) 106, могила 16.

Хуторяне, получившие весть о кончине своего атамана, были весьма опечалены.

Они потеряли настоящего отца-воспитателя, постоянно беседовавшего с ними о Казачестве, о его Воле, о славе былой мощи и о настоящих задачах на будущее Казачьего Народа; среди хуторян нет сейчас постоянного певуна старинных казачьих песен, которые покойный пел так часто.

С глубокой грустью и нескрываемым волнением говорил он за несколько дней до смерти о том, что вероятно уже не встанет и не увидит седых волн родного Тихого Дона.

Подорванный скоплением нескольких болезней организм 70-летнего старика не выдержал и отдал душу Господу Богу.

Мир праху твоему, дорогой соратник, отец и друг. Царство тебе небесное.

По распоряжению Окружного атамана в Чуруг выехал вр. ис. д. его помощник Н. Ф. Букин, где под его председательством 24 ноября были произведены выборы нового хуторского атамана. Единогласно был избран таковым **Яницков, Матвей Семенович**.

Хутор при выборах руководился тем, чтобы атаманом был человек, обладающий свойствами характера их покойного атамана К. Я. Титова, т. е.: человека положительного, серьезного и, главное, в делах интересов В. К-ва — требовательного и исполнительного.

Хуторским писарем остался **Сновида, Константин Георгиевич** (украинец), также единогласно утвержденный на этой должности.

На сборе были затронуты и некоторые другие вопросы по предписанию Окр. Атамана.

Здесь же была оформлена имеющаяся в хуторе библиотека, зарегистрирована и оставлена на квартире атамана. Присутствовавшие на сборе получили для прочтения журналы и соответствующие указания пользования библиотекой.

(Соб. кор.)

Завтра учитель отпустит нас до самого Крещения, а послезавтра будем «душить» свиней. Это очень веселое занятие, почти праздник для нас. Рано утром, как по сигналу, каждый двор в станице оглашается отчаянным визгом закалываемых свиней, окруженных толпой веселых ребят, которым кажется, что и свиные так же весело, как и им. Выдергав всю щетину, свиный сперва опаливают, потом поливают водою, натирают золою, покрывают соломою и все присутствующие садятся на нее верхом, или «душат» ее. Это последнее действие для нас самое приятное. Если свиные убивают не в пост, то каждому из нас дают по крохотному кусочку хвоста или уха, необыкновенно вкусных. Тут же присутствуют и собаки, а поопать расхаживают вороны, галки и сороки, в надежде чем-нибудь поживиться. Чисто оскобленная свинья вносится в хату, а мы долго еще топчемся на выжженном месте, дразня собак и пугая птиц.

Но вот и канун Рождества, или «кутья». В этот день во всех казачьих хатах уже командуют женщины, а мужчины беспрекословно исполняют все законные и даже незаконные их требования, так как на женщинах лежит великая обязанность приготовить сегоднешнюю вечерю и всевозможную снедь на завтра: запечь окорок, зажарить колбасы и гуся, напечь пирогов и пирожков с разными начинками и множеством других лакомств.

На обед нам подали картошки в мундирах, луку, соленых огурцов да кислой капусты. Я и Егор, зная,

что до вечера ничего больше не дадут, с усердием принадлежи на картошку и огурцы. Мать заметила нам, чтобы мы уменьшили наше усердие, потому что «есть кутью», т. е. ужинать будем рано. Но мы не обратили внимания на ее замечание и продолжали работать зубами так же усердно. Когда же отец молча посмотрел на нас и перевел взгляд на висевшую на стене плеть, мы вдруг почувствовали, что достаточно наелись, встали из-за стола и стали благодарить Бога, что Он насытил нас и что плеть осталась висеть на прежнем месте.

После обеда я не выходил из хаты, а созерцал произведения бабушки, матери и старшей сестры: жареные колбасы, запах которых может раздражить любого из нас, и румяные пирожки.

«Петька, може ковбаски хочеш, або пиріжечка?» дразнила меня сестра.

Конечно, мне очень хотелось, но я отлично знал, что оскоромиться в этот день — величайший грех, и воздержался от соблазна стянуть пирожок или отломить кусочек колбасы. Кроме того, я знал, что за сегодняшнее терпение завтра буду вознагражден сторицею.

К вечеру стряпня была закончена и хата чисто вымыта. Дедушка внес в хату «оберемок» сена и положил его в переднем углу. На сено поставили один горшок с кутьей, а другой со взваром. Это делается для того, чтобы напомнить нам, что Христос родился в пещере, куда пастухи загоняли на ночь животных, и что Он был положен на сено.

Бабушка зажгла пред иконами лампадку и свечи и вся семья стала на молитву. Помолвившись, все чинно уселось за стол и принялись за ужин. После борща, вареной и жареной рыбы и разных постных пирожков, дедушка торжественно наложил полную миску кути, полил ее медом, воткнул в нее ложку, поставил на окно и обратился с троекратным приглашением к морозу: «Мороз, мороз, іди кутю їсти».

Но, мороз и не шел и ничего не отвечал. Да и как же он мог войти в хату, покрытую камышем, обставленную толстым слоем соломы, с забитыми наглухо окнами и натопленную так жарко, что меня пот заливал? Хотел я об этом сказать, но промолчал. Дедушка прислушался. Никто не откликается. Тогда он (вероятно, обидавшись) сказал: «Як не йдеш кутю їсти, то не йди ні на жито, ні на пшеницю, ні на всяку пашницю», поставил миску на стол, перекрестился и съел три ложки кутьи, после чего и все стали ее есть.

Вечеря завершилась взваром. Вставая из-за стола, дедушка спросил меня: «Петька, хочеш хліба з цибулею?» Я же, чувствуя полный желудок, не мог ничего ему ответить.

После ужина дедушка достал из-под образов евангелие, большую старинную книгу с крупными буквами на толстой синеватой бумаге в кожаном переплете, в который, вместо картона, были вставлены деревянные дощечки, и начал читать нам о рождении Иисуса Христа. Все слушали внимательно.

Но, сытый ужин и монотонное чтение действовали на меня усыпляюще. Я напрягал все мои силы, чтобы не заснуть, даже поддерживал пальцами веки, чтобы не закрывались глаза. «В той стране были на поле пастухи», — слышу я и не узнаю голоса дедушки. Потом постепенно этот голос уходит от меня куда то далеко, далеко, становится глуше и как бы тает в воздухе. «Става в вышних Богу», — не то доносится до меня эхо, не то чудится мне... а дальше одним слушателем уменьшилось.

На другой день разбудили нас очень рано. Уже звонили к заутрене. Мне даже не верилось, что пришло, наконец, долгожданное Рождество. Принарядившись (Егор даже кинжал нацепил на пояс), мы, кроме бабушки и младшей сестры, отправимся в церковь. Ночь звездная и тихая. Все хаты освещены. На улице много пеших и на санях с хуторов спешащих в церковь. Слышно, как встречные здороваются и по-

здравляют друг друга с праздником. Снег приятно хрустит под ногами. Я смотрю на небо и мне кажется, что между звездочками я вижу порхающих маленьких, маленьких ангельчиков...

Вот и церковь. Она ярко освещена десятками лампадок и сотнями свечей и полна народом. Ее правая сторона заполнена мужчинами, а левая женщинами в ярких «подшалыниках». Сегодня они могут притти только к заутрене, потому что во время обедни они будут заняты стряпней, а каждому хочется в этот день побывать в церкви. Мы протискиваемся в середину. Дедушка покупает большой пучек свечей и легонько хлопает ими по плечу переднего богомольца. Тот, необорачиваясь, берет у него свечи и в свою очередь хлопает ими по плечу, который протельвает то же самое. Таким образом передаются свечи от порога, где их продают, до самого иконостаса, где их замиают. А с клироса несетя радостное и очень громкое пение певичих. Особенно выделяется высокий тенор деда Сухина, в течение своей жизни не пропустившего ни одной церковной службы. Егор тоже пробрался на клирос, как дьячихин крестник. Старенький о. Павел, против обыкновения, служит громче и торжественнее, а отец дьякон прямо таки потрясает церковь своим басом.

После обедни наша семья, как и вчера вечером, стала на молитву, дедушка поздравил нас с праздником, а мы его и уселись обедать. Обед был обильный и я пробовал все, что подавали. Когда я уставал и делал небольшие передышки, то дедушка испуганно восклицал: «А Петро нічого не їсть!» — и все почему то смеялись.

К концу обеда к нам в хату стали собираться христославшики, потому что звезда находилась у нас и Егор правил хором. Когда пришел последний из нашей компании, мы пропели положенные тропарь и кондак. Затем дедушка предложил: «А ну, хлопці, заспівайте колядку». Мы запели:

Нова радість стала,
Як на небі хвага.
Над вертепом звізда ясна
Світу засіяла.
В Давидовом дому
Вигравають Йому,
На всі струни ударяють,
Бога восхваляють.
Пастушки з ягнятком
Перед тім Дитятком
На коліна упадають,
Бога вихваляють.
Просим Тебе, Царю,
Ти наш Володарю,
Даруй літа щасливі
Сьому господарю.
Сьому господарю
Й Його господині, —
Даруй літа щастиві
Всій Його родині.

И все мы поклонились нашим родителям. Затем уже без приглашения мы спели другую колядку:

Добрий вечі тобі, пане господарю.
Радуйся, ой радуйся, земле,
Син Божий народився!
Накривайте столи та все килимами.
Радуйся...
Та кладіть калачі з ярої пшениці.
Радуйся...
Бо придуть до тебе тріч пазнички в гості.
Радуйся...
Ой, перший же празник святее Рождество.
Радуйся...
А другий же празник святого Василя.
Радуйся...
А третій же празник святе Водохреща.
Радуйся...

Дедушка слушал нас, опустив голову, и, вероятно, вспоминал, как когда то и он вот таким малышом бегал со звездой и славил Христа. Когда доходили до припева:

«Радуйся, ой радуйся, земле,
Син божий народився!»

он не выдерживал и подхватывал его басом, к нашему величайшему удовольствию.

Мы хотели пропеть еще несколько колядок, но, чтобы успеть обойти всю станицу до вечера, нас стали выпроваживать, оделив пирожками, бубликами и конфетами и дав колбасу, хлеб и пятак денег. Егору и мне не дали пирожков, но мы потребовали их, как заработанную плату.

Я, необыкновенно счастливый, попросил мою младшую сестру спеть ее колядку. После долгих уговоров она пропищала:

«Я маленька дівчинка,
Спідничка рябенька,
Черевчкы коркові.
Будьте з празником здорові».

За это каждый из нас, несмотря на протесты старших, дал ей конфетку или бублик, а я добавил и свой пирожок.

Едва выпроводили нас из хаты.

День был морозный и ясный, и мы, вооруженные длинными палками, бодро бегали из двора во двор, встречаемые и провожаемые дружным лаем собак, которых в каждой станице великое множество. Но лаяли они на нас не от злости, а больше ради собственного удовольствия, заразившись общим весельем. Старые псы, как и полагается серьезным собакам, лаяли, стоя у ворот, не выбегая на улицу, а молодежь, залихватски свернув хвосты бубликами, заливалась на все лады перед дворами. Иная из них надрыгается до хрипоты и, кажется готова растерзать тебя на самые мелкие куски, но стоит лишь позвать ее по имени, как она вдруг обрывает лай, машет приветливо хвостом, смотрит на тебя веселыми глазами и как будто хочет сказать: «Ах, какой славный денек!» А если дашь ей кусок пирожка с печенью, она будет провожать тебя целых пять дворов, как самый душевный друг, но вида, что ты идешь дальше, опечаленная разлукой, возвращается к своему двору, тявкнув раза три на прощанье.

Ходили мы из двора во двор и везде нас принимали; стоя, слушали наше пение, благодарили и хвалили нас и наделили гостинцами и пятаками. Если же мы проходили мимо какого-либо двора, то из хагы выбегал кто-нибудь и кричал нам вслед: «Що ж ви, хлопці, нас минаєте? Хіба ж ми не христіяни? Не добре робите. Заходьте та поколядуйте й нам».

В иной хате сидели гости уже в довольно приподнятом настроении. Тут колядки пелись всеми присутствующими и с таким жаром, что наши голоса топили в общем хоре. Из таких хат нам бывало трудно вырваться, но зато гостинцев и пятаков мы получали больше.

У станичного атамана на нас сваливалось целое богатство. Сидели у него в гостях два старика черкеса из соседнего аула. Из вежливости они, как и все, слушали наше пение стоя. Когда мы окончили, они, качая головами, говорили друг другу: «Аллаги, биллаги, дагу дэд, дагу дэд» (ей-Богу, очень хорошо, очень хорошо), и дали нам два серебряных рубля.

Только поздно вечером с набитыми сумками, карманами и животами мы закончили наше хождение.

На второй день погода переменилась: по небу поплыли тучи и подул ветер. Но это не помешало нам отправиться за семь верст на хутор. Небольшой хутор мы успели обойти до захода солнца и стали собираться к походу в станицу. Хуторяне не отпускали

нас и советовали переночевать у них, а завтра утречком и отправить домой. Я хотел остаться, но Егор и прилепел его митька настояли на том, чтобы итти немедленно.

Хутор расположен в балке и, пока мы выбрались из него на гору, уже стемнело и пошел снег, а к тому же ветер был встречный и мешал итти. Мы, особенно я, перетрусили, кроме Егора и Митьки, которые шутками подбадривали нас (я думаю, и себя), смеялись и даже заели: «Ой ты, хмель, ты мой хмель, где ты зимовался?» Но, так никто их не поддержал, песня как то печально оборвалась и они, сконфуженные, стали покрывать на нас.

Подвигались вперед мы медленно, боясь сбиться с дорожки. «Пислухайтесь, хлопці, може почуємо, де гавкають собаки в стіниці, то прямо туди і підемо», распорядился Егор. Поминутно мы останавливались, напрягая слух, но лая не было слышно. Вдруг к нашей радости мы наткнулись на знакомый дуб при дороге. До станицы оставалось версты четыре. В такое время и в такую погоду это было очень далеко, и мы были в затруднении, что предпринять дальше: продолжать путь в станицу, или возвращаться на хутор. Из затруднения вывел нас Митька: «Слушайте, хлопці, що я вам скажу. Від сього дуба до нашого жоса недалеко. Ходім туди і переночуємо, а завтра ранком підемо до дому». Мы с радостью приняли его предложение и отправились на кош. Митька, как знающий местность, уверенно шел вперед, а мы за ним и через десять минут подошли к хатке. Дверь была заперта изнутри задвижкой, но Митька, зная ее секрет, вскоре распахнул дверь и впустил нас в хату. Был найден и зажжен каганец. В углу лежали дрова. Егор и Митька мигом затопили печь и притащили в хату соломы.

Боже, какое блаженство испытывали мы! На дворе падает снег гудит ветер и, может быть, где то близко бродят волки, а у нас весело горят дрова в печи, уже от одного взгляда на которые становится тепло и уютно, и не страшны нам ни ветер, ни снег, ни волки.

Под потолком висел мешок с сухарями, а в сенцах, в яме лежал картофель на случай, если забредет сюда кто-нибудь голодный. Но мы не нуждались ни в том ни в другом, так как имели при себе приличный запас колбасы, сала и пирожков. Наткнув на прутья куски сала и колбасы, мы поджаривали их в печи и поедали с большим аппетитом. Хотя они припахивали дымом, но от этого они становились еще вкуснее.

Наевшись, мы улеглись на соломе. В хате стало тепло. Мы забыли пережитые невзгоды и наслаждались покоем. Кто то из нас заметил, что нужно бы и здесь прославить Христа. Все согласилось с ним. Жаль было, что наша звезда осталась на хуторе, так как в снег и ветер мы не решились нести ее в станицу. Все встали и добросовестно пропели тропарь, кондак и колядки, а Митька, как хозяин, достал из своей сумки и дал каждому из нас по бублику. Исполнив свой долг, мы опять улеглись и полились рассказы, но рассказы все страшные, как того требовало наше положение. Говорили до тех пор, пока выгорело сало в каганце. Перекрестивши изголовье, как тому учили нас дома, и аккуратно укрывшись, я скоро заснул и проспал до самого утра.

Как и вчера, дул ветер и мет снег. Но днем мы быстро дошли до станицы. Дома мы подробно рассказали, как провели вчерашний день и ночь. Слушая наше повествование, бабушка охала и ахала и чуть не плакала, вообразив, как мы замерзли на дороге и как нас, мерзлых, грызут волки. Отец, как будто про себя, заметил: «Давно за ними пійть плаче», на что мать ответила: «Та вони від неї не втечуть».

Только один дедушка был на нашей стороне: «Ничого, нічого, молодці хлопці, — на те ви козаки».

Г. Фурса

Каждый вольный казак должен подписаться на свой журнал

